

МКУК Долговского сельсовета «КДО»
Долговская сельская библиотека

АЛЬБОМ-СБОРНИК

ПОКЛОНИТЕСЬ Матери Солдата

**КНИГА ПАМЯТИ МАТЕРЕЙ,
чьи сыновья погибли
в боях за Родину
в Великой
Отечественной войне
1941-1945 г.г.**

Долговка, 2007 год
(Дополнена в 2013 году)

Поклонитесь Матери Солдата

*Никуда от памяти не деться,
Не познать покоя, тишины.
Остаётся вечной болью в сердце
Сын, не возвратившийся с войны.*

(Н. Рождественский)

Самое первое слово, которое произносит человек в своей жизни – это слово «мама». В самые сложные, трудные и ответственные моменты жизни мы вспоминаем лицо мамы. Её нет рядом – и мы, хотя бы мысленно, ведём с ней разговор: спрашиваем, советуемся, винимся за промахи и делимся радостью. Мама – это наша совесть и судья. Для каждого человека она – символ семьи, дома и Родины. Поэтому так тесно и переплетаются в нашем сознании два слова – мать и Родина. А мы, дочери и сыновья – всегда защитники её и матери-Родины.

И где-то, в глубинах души сами собой воскресают набатные слова грозного сорок первого года: «Родина-мать зовёт!» А ведь тогда миллионы людей восприняли этот призыв как личное обращение. Вставали в строй вчерашние мальчишки и девчонки, и матери благословляли их на тяжёлый и смертный бой.

На алтарь спасения матери-Родины были положены миллионы жизней. К великой победе шли солдаты через кровь и смерть, через великие тяготы, лишения и страдания, шли, чтобы победить или умереть, заслонив собой мать и Родину. Пуля врага, сразившая бойца на фронте, безжалостно била и в материнское сердце, била за тысячи километров, нанося неизлечимые, незаживающие раны.

Из нашего села ушли на фронт и не вернулись 197 человек. Каждого из них дома ждали жёны, невесты, дети. И матери.

Боброва Елизавета Герасимовна проводила на фронт пятерых сыновей: Александра, Алексея, Петра, Фёдора и Григория. Защищали её сыновья Родину-мать не жалея жизни и все пятеро геройски погибли в жестоких боях с врагом. Какая материнская и человеческая трагедия! Сердце может остановиться от такой беды.

Солдатская мать Телегина Матрёна Иосифовна вырастила четырёх сыновей. И когда в сорок первом грянула война, на фронт взяли всех. И все

они остались лежать на полях сражений великой войны. Чем измерить горе этой солдатской матери?!

Пятеро сыновей было у Телегиной Парасковьи Сергеевны. Один ещё до войны был объявлен «врагом народа» и расстрелян в 1938 году. Остальные четверо все пали на разных фронтах войны. Потеряла разум от горя мать, остались сиротами дети, почернели от слёз вдовы.

Четверых сыновей и внука проводила на фронт Вихорева Василиса Захаровна. Ни единого не дождалась обратно...

Полетаева Анна Прохоровна растила с мужем Михаилом Фёдоровичем шестерых детей, была у них дружная, счастливая семья. Сначала на фронт взяли сына Александра, потом мужа. 17-летним пареньком, стараясь не отстать от брата, ушёл добровольцем на фронт второй сын Дмитрий. Осенью 1943 года в один день получила она похоронки на мужа и старшего сына. Потом и на Дмитрия. В довершении всех бед сына Колю, малолетнего труженика тыла, изрезало насмерть плугом. К концу войны от большой семьи осталась ровно половина. Остальных детей поднимала мать на ноги одна, не выйдя больше замуж. Есть ли предел терпению, силе духа и мужеству твоему, русская женщина?!

Волкова Анна Степановна проводила на фронт единственного своего сыночка, Ванечку, свет в окошке, надежду всей жизни. Погибла её надежда в августе 1942 года на ближних подступах к Сталинграду. И как ей достало силы жить дальше, для чего?

Нет такого мерила и таких наград, чтобы измерить и оценить материнский подвиг этих женщин. А сколько их, таких, в городах и сёлах нашей необъятной матушки-России!

Но ведь тяжёлые душевные муки – это ещё не всё. Ещё был и тяжелейший труд на колхозных полях и фермах, в цехах заводов и за штурвалами машин.

Этот материнский и трудовой подвиг вынес смертный приговор войне. Благодаря им и мужеству их сыновей взметнулось в сорок пятом знамя Победы над рейхстагом. Мы выдержали, вынесли эту войну только потому, что для нас понятия МАТЬ и РОДИНА есть суть одна.

Этот небольшой сборник очерков посвящён матерям солдат, погибших на войне. Надеюсь, он будет интересен всем, кто интересуется историей родного края и своей семьи.

О. Тельминова, составитель

*...Слушай, Земля!
Почему ж ты молчишь?
Ныне в тебе –
Не во мне –
Спит мой мальчишка,
Лежит мой малыш,
Павший за нас на войне.
Помнишь,
Как делал он первый шаг,
Шёл, по-смешному сопя,
Падал, вставал,
Опирался как мог
Ладонью
О тебя?..
Как он, назначив незримый предел
Движению своему,
Шёл
И на мир удивлённо глядел
И улыбался ему.
Память моя, словно синяя высь.
Воспоминания в ней,
Вспыхнув,
Как яркие звёзды, зажглись
Знаками прожитых дней.
Светлыми знаками...
Но навсегда
Средь этих звёзд
Для меня
Неповторимой осталась звезда
Самого лучшего дня:
Сын мой ручонки на грудь положил,
Мягко уткнулся в неё
И бережливо губами сложил*

Главное слово своё –
«Ма – ма».
Чуть слышное слово,
А в нём
Столько добра и тепла!
Тыщи вершин было в сердце моём –
К каждой тропинка легла.
Есть ли на свете такая из книг,
Чтобы вместить до конца
Всё то,
Что мамы о детях своих
В свои уместили сердца!
Вся,
До мелочи самой маленькой, -
Клинописью на стене –
Жизнь моего убитого мальчика
Сохранена во мне.
Нету на свете книг таких,
Чтоб чаще листались нами,
Чем я листаю в мыслях своих
Страницы воспоминаний.
Все годы и месяцы,
Дни и часы –
В мгновение любое –
Во мне возрождается
Мой сын,
Ушедший на поле боя.

(Ф.Алиева)

А. Мыльников. Прощание

АРХИПОВА ПЕЛАГЕЯ ЛУКИЧНА

*«А то, что не идём домой, прости нас,
мама...»*

Архипова Пелагея Лукична родилась 15 апреля 1889 года. Пока не установлено, местная она или нет. Предположительно, она сестра Петра и Степана Лукича Кутиковых, и тогда она долговская. К сожалению, не достаёт документов, чтобы подтвердить или опровергнуть это предположение.

Замуж она вышла около 1913 года за Николая Яковлевича Архипова, 1893 года рождения. До неё он уже был женат на Александре Булатовой из Фроловки (брак 1910 г), но жена рано умерла. Брак Пелагеи и Николая оказался долговечным, всю жизнь они прожили вместе.

В их семье было много детей. Первенец Михаил родился 2 ноября 1914 года, следом за ним в 1917 году – Пётр, в 1919 – Андрей. Всего детей в их семье было 7 человек, из них две дочки, остальные парни, краса и надежда рода. Жили они достаточно бедно. На такую ораву в хозяйстве было две лошади и одна корова. Поэтому, как только организовался колхоз «Совет», Николай Яковлевич сразу вступил в него. Колхоз, если уж совсем было не вмоготу, помогал то хлебом, то молоком.

Сначала и в колхозе было трудно, но потом жизнь наладилась. Пелагея с Николаем, оба неграмотные, отправили детей в школу – пусть хоть дети будут образованными. Первым школу закончил сын Пётр, учился на курсах шоферов, а потом стал работать на машине в колхозе

В 1939 году старший сын женился, привёл в дом жену Анну, дочь Иосифа Пережегина. У Пережегиных семья была большая, работающая. Из хорошей семьи пришла сноха, решили родители. Через год родился у Петра сын, назвали парнишку Юркой. Вот и первый внук у Пелагеи. Будут и другие, подрастают девчонки, парни вон как вытянулись. После рождения сына Петра взяли на службу, а там и черёд Андрея подойдёт в армию идти.

Но очередь подошла гораздо быстрее, потому что началась война. В 1941-м забрали Андрея, в январе 1942 – Ивана, даже дочь Анну забрали в ФЗО, увезли в Челябинск. Обливалось сердце кровью у Анны: трое на войне!

Молодые, красивые, - хоть бы вернулись живыми!.. Особенно волновалась мать за Петра, нет писем, как началась война, где сын, что с ним, неизвестно. Иван писал домой, что учится пока воевать, на фронт ещё не попал. Андрея увезли на Дальний Восток, там войны хоть и нет, но нарушений границы со стороны японцев много, поэтому надо быть бдительными, пишет сын. Успокаивают мать письма, а сердце в тревоге за старшего.

Но вот долгожданное письмо пришло. Писал сын, что был в окружении, что шли сильные бои, и возможности писать не было. Теперь он служит шофёром в артиллерийском полку, и у него всё хорошо. Возрадовалось сердце матери. Ведь как ни уставала она на колхозной работе, как ни крутилась дома по хозяйству, а сердцу думно, тяжело от неизвестности.

Следующий, 1943 год, остался в памяти чёрным годом. Начался он тем, что в феврале 1943 года на старшенького, Петра пришла похоронка. Равнодушным, казённым языком она сообщила онемевшей матери, что её сын, рядовой Красной Армии, погиб в бою на станции Валя Ленинградской области 21 января 1943 года. Этот день Пелагея Лукична не запомнила. Огромный океан боли затопил всё вокруг, в глазах стояла тьма и не хотела никуда расползаться...

Ещё не высохли слёзы по Петру, а новое испытание уже поджидало мать на пороге. С марта 1943 года перестали приходить письма от Ивана. Потом пришла похоронка: «Был в последнем бою 20 марта 1943 года». Последнее письмо от сына было датировано этим же числом... Это мать отметила, уже проваливаясь в спасительное забытьё.

Остался у неё один Андрей, который служит на Дальнем Востоке, да самый младший сыночек Саша. А жить в войну было трудно. Хлеба нет, одежды нет, военный налог тяжёл. Работа колхозная почти неподъёмная. А ведь ей, Пелагее, уже далеко не двадцать. Вот и младшие дети хоть и школьники, а всё равно в колхозе работают. От недоедания ослабела 14-летняя Зоя и в 1944 году заболела и умерла. Вот ещё одна жертва войны...

В мае 1945 года закончилась война с фашистами. Но для Пелагеи Лукичны ещё ничего не закончилось. Ещё будут добивать советские войска Японию, которая перешла наши границы. А ведь там Андрюша служит, последний из трёх её солдат! Но, наверное, есть на свете Бог, пожалел он её, сохранил жизнь сыну, и в 1947 году Андрей вернулся домой.

Но смерть сыновей подкосила Пелагею Лукичну. Плакивая их каждый день, она тихо угасла 13 июня 1959 года. Похоронена на сельском кладбище села Долговки.

Сон матери

*Стучат в окно,
Стучат в ночные двери –
Скорей вставай
И двери отворяй!..
И входят в дом
Её живые дети,
Встанут над нею
Три богатыря.
Они встают,
Какими их навечно,
На каждый час запомнила она,
И нету сил,
Чтоб кинуться навстречу,
Дыханья,
Чтобы крикнуть имена.
Они!
Руками каждого потрогай,
Гляди,
Гляди на каждого –
Они!
И, как тогда,
Как перед той дорогой,
На них
Крест-накрест
Жёлтые ремни...*

(А. Передреев)

А. Оя. Мать

БОБРОВА ЕЛИЗАВЕТА ГЕРАСИМОВНА

«Имя тебе – солдатская мать»

Девичья фамилия Елизаветы Герасимовны – Горенкова. Родом она из села Коровьего Мишкинского района, где родилась в далёком 1880 году. В 1899 году 18-летней девушкой выдали её замуж в Долговку за Боброва Андрея Петровича, невысокого, крепко сбитого и, главное, работающего и доброго деревенского парня. Жили не богато, но и не бедствовали.

Как раз в Новый год, 1 января 1900 года, родился первенец – сын Алексей. А следом за ним, с разницей в 2-3 года, народилось ещё 9 детей: шесть сыновей и четыре дочери. Сыновья были все, как на подбор, копия отца: среднего роста, плечистые и крепкие, как боровички. Девчонки весёлые, работающие. Любила их мать до самозабвения, хоть и строгой была, а как без этого.

Большая семья Бобровых жила дружно, дети росли такими, какими их родители желали видеть: добрыми, честными, трудолюбивыми. Каждому из детей Елизавета и Андрей постарались дать хотя бы начальное образование, чтобы они умели читать и писать.

В 1921 году женился старший сын. Как быстро пролетело время! Давно ли она качала на руках своего большачка Лёнюшку, а вот уже и невестка по дому хлопочет, ладная, быстрая Евгения, дочка Фёдора Алексеевича Воробьёва. Там семья работающая, и дочку такую же вырастили. Довольна снохой Елизавета.

Через год Сашенька женился. Невеста из семьи Крюковых, тоже все работающие. Ещё мать сама молодая, ещё детей рождает мужу, а уж внуки начали появляться один за другим. И кажется Елизавете, что она и детям-то была не так рада, как внукам.

По очереди стали отделяться старшие сыновья, у всех семьи. Да ещё и жизнь в деревне пошла какая-то не такая, колхозы какие-то появились. Лёнюшка одним из первых вступил, всё, что было, на колхозную ферму свёл. За ним и младшие братья потянулись.

В трудном 1932 году умер муж Андрей Петрович. Тяжело стало: не все ещё дети поднялись на ноги. Да и одиноко. Шутка ли, больше двадцати лет

вместе прожили, и в горе, и в радости. Дети, конечно, не давали скучать, да и дом, как говорят, «не велик, да стоять не велит». Наверное, только это, да поддержка старших детей помогли пережить такую потерю.

К концу 30-х годов она жила только с младшими, ещё «зелёными», дочками. Сыновья же помогали маме и морально, и материально: каждый из них давал ей хлеба по пуду в месяц. А овощи она выращивала свои. Курочек держала, в общем, на жизнь им с девчонками хватало.

В 1939 разгорелась война с финнами. Призвали на эту войну проклятую Гришу. Да не одного, поди с десятков молодых мужиков ушли воевать. Сколько молитв прочитала по сыну Елизавета Герасимовна, и не пересчитать! Но всё ж таки вымолила у бога сынка, вернулся Гриша домой, младшенький, кровиночка.

Так бы и прожила Елизавета Герасимовна свою жизнь спокойно и счастливо в окружении своих детей и внуков, если бы не война с фашистами.

Первым взяли на фронт Гришу, 25 июня, через три дня – Петю. 8 сентября ушёл на войну Феденька. А в том же сентября 20 числа взяли сразу двоих – Сашу с Лёнюшкой. Смотрела мать на уходящих сынов, сердце кровью обливалось и замирало от боли.

Началось долгое, томительное ожидание. Вестей ждала каждый день, каждую минуту и секунду всем существованием своим. Письма приходили по-фронтовому скупые, написанные быстрым, неровным почерком, торопливые, тревожные.

Неожиданно, среди всех этих ожиданий и горестей, нагрянула нечаянная радость, замешанная, впрочем, как и всё в войну, на печали: пришёл домой на излечение после тяжёлого ранения третьяк Пётр. Ой, какая радость, словами не передать! Все радовались: и мать, и жена, и все шесть его детей, и сёстры. Да вся родня радовалась, видя хоть раненого, да живого Петра. Ранение в ногу было очень тяжёлым. Ходил сын, тяжело опираясь на костыли. Но со временем рана зажила, и осталась лишь лёгкая хромота. И Пётр снова ушёл на фронт.

А через четыре месяца мать получила на него похоронку, где говорилось, что рядовой 1067 стрелкового полка Пётр Бобров погиб в бою 23 марта 1942 года в боях под Ленинградом... Веря и не веря своим глазам смотрела мать на эту бумагу, а слёзы будто сами по себе выплакивали сердечную боль. Всю ночь рыдала в подушку мать, всю ночь вспоминала сына: вот его первый шаг по избе, вот он приводит в дом молодую жену, вот прощается с ней, второй раз уходя на фронт...

В начале апреля 1942 года от Алексея пришло письмо из госпиталя. Он писал, что был ранен и сильно заболел, на фронт его больше не пошлют, просил жену приехать и забрать его домой. Евгения засобирилась, и мать уже надеялась, что снова увидит сына, своего первого, долгожданного. Но, приехавшую в военкомат Евгению, военком отругал, как только мог: «Это куда ты собралась? Там война идёт, кто тебя в прифронтовую зону пустит? И на какие такие шиши ты собралась ехать? А если с тобой что случится, твоим детям дорога прямая будет в детдом. Да и кто за тебя работать тут будет? Война идёт, понимай сама!» И Евгения никуда не поехала.

А через два месяца пришло матери извещение о том, что её сын, рядовой 47 полка Алексей Андреевич Бобров умер в госпитале 22 апреля 1942 года». Ох, как рыдала мать над этой бумагой, отнявшей у неё первенца, казалось, все свои слёзы оставила она на ней. Но это было ещё не всё.

Следом за ней, с разницей всего в три месяца в дом пришла третья похоронка: лейтенант 26 отдельной истребительной бригады Фёдор Бобров 28 июля 1942 года пал смертью храбрых в боях под Велижем.

И снова матери казалось, что последние силы оставляют её, когда видит она это проклятое извещение, когда слышит страшный вой снохи и всхлипы внуков. Со страхом смотрела она теперь на почтальона, сердце обрывалось, когда видела кого из сельсоветских, направлявшихся к её дому.

В сентябре сорок третьего в дом к Елизавете Герасимовне снова постучалось горе. На этот раз страшная бумага пришла на Александра: сын погиб в бою под Старой Руссой 24 августа 1943 года.

Не просыхала подушка матери. Теперь ей оставалось молиться только за младшенького – Гришеньку. Теперь все думы только о нём, - единственном, оставшемся в живых. Утешалась, воюет сын всё же не в пехоте, не на передовой, в расчёте большой пушки, может, да и смилостивится бог, вернёт домой Гришу.

В марте 1944 было письмо из госпиталя, ранен, не беспокойся, мама, всё хорошо. Потом, летом уже, написал, что за участие в боях наградили его орденом Славы 3 степени. Гордилась мать, а на сердце было беспокойно: не дают на фронте ордена за просто так, может, не так уж безопасно там, у пушки-то. Следом пришло письмо, что из госпиталя выписался и служит теперь телефонистом в дивизии, на том же фронте, где и воевал, освобождает Латвию от фашистов, скоро вернётся домой. А потом вместо письма пришла серая казённая бумага...

Елизавета Герасимовна сидела дома. И, увидев входящую в дом младшую сноху Марину с чёрным от горя лицом и скомканным клоком серой бумаги в руке, поняла всё...

Люди, где есть такие слова, которыми можно описать горе, когда мать теряет сына? А когда пятерых?!

... В душе у неё оборвалось всё. Откуда-то извне пришла вселенская боль и затопила с головы до пят. Замёрзли слёзы и окаменело сердце. Она понимала, какой-то частью разума, что надо облегчить боль, иначе можно не выдержать, сойти с ума, сломаться. Только чем облегчить ТАКУЮ боль? Мать без сил опустилась на голбчик, с трудом преодолевая окружившую всё тело немоту, - и вдруг ... запела. Запела-застонала русскую проголосную песню-плач:

«Ой, зачем ты, солнце красное, всё уходишь, не прощаешься?

Ой, зачем, с войны безрадостной сын, не возвращаешься?»...

Калёным железом прожигал душу этот стон-плач. И столько в нём было непереносимой муки, печали и щемящей тоски, что все соседки, услышав её, на этот плач сбегались. Завыли, запричитали вдовы, осиротевшие матери, помогая ей оплакать погибших сыновей, вспоминая при этом каждая своего...

В 1945 году закончилась, наконец, война, навсегда забравшая её сыновей. Жизнь продолжалась, старели вдовы, выросли внуки. Только боль не старела, не уходила. Так и жила она, а вместе с ней, в сердце её материнском, жили не вернувшиеся с войны дети. Всё в доме напоминало ей о них. Вот валенки, скатанные ещё Лёнюшкой, лёгкие, удобные, нога в них спит. Вот калитка в палисадник, её Феденька делал. А вот последние письма Гришеньки с фронта, где пишет, что придёт домой скоро...

Большую жизнь прожила Елизавета Герасимовна. Умерла она в 1967 году в возрасте 87 лет. Похоронена в Долговке на сельском кладбище.

Горе

*Послевоенный ребёнок,
Мало я знал о войне.
Строки пяти похоронок
Бабка читала при мне.
Из сундучка доставала
Бережно свёрток она,
В сердце её не смолкала
Ни на минуту война.
Бабка ночами кричала –
Что мог понять я, юнец?
Бабкино сердце вмещало
Пять неумолкших сердец.*

(Г. Зайцев)

Памятник в Жодино

ДМИТРИЕВА АННА ВАСИЛЬЕВНА

«Сын убит, и горя не измерить»

Анна была самой старшей из детей в семье Василия Ивановича и Прасковьи Матвеевны Пеньковских. Родилась она 16 февраля 1886 года. Кроме неё в семье было ещё три сестры и брат Костя. Правда, сестричка Маша умерла потом, и сестёр осталось всего трое. Как самая старшая, Аня с детских лет была нянькой всем своим сёстрам и брату, первой помощницей матери во всех делах. Выросла миловидной, спокойной и трудолюбивой. Была умной и всё быстро схватывала на лету. Очень хотела знать грамоту, но отец даже слышать не хотел о школе. И лишь потом, в 20-х годах, посещая курсы ликбеза, она выучилась читать и писать.

В 1904 году Анну выдали замуж за Дмитриева Василия Семёновича. Это был видный, боевой и общительный парень из достаточно обеспеченной семьи. Для молодожёнов родители поставили крестовой дом на одной из центральных улиц села, живите и радуйтесь. Анна быстро обустроила его, работа у неё в руках спорилась. Родила она мужу трёх здоровых крепких мальчишек, работала в доме и в поле, везде успевала. Муж, детей любил, конечно, и работу домашнюю делал, но... гулял напропалую. Знала она всё это, деревня ведь, не скроешь, но молчала, переживая потихоньку своё женское горе.

В 1914 году началась война с немцами. Василия тоже призвали. Жить стало труднее. А потом события начали разворачиваться с головокружительной быстротой: революция, установление Советской власти, перемена векового уклада жизни... Её Василий везде в гуще событий. На фронте в 1917 году вступил в партию, входил там в солдатский комитет, участвовал в арестах офицеров. Вернувшись домой в 1918 году, вместе с другими муж деятельно начал работу по установлению новых порядков на селе. Он и раньше-то не любил сидеть дома, а тут и вовсе сутками пропадал на собраниях и ещё бог знает где. Весь дом, всё хозяйство лежало на хрупких плечах Анны. Но она никогда не сдавалась.

Плохо стало тогда, когда в село пришли белые. Семья Дмитриевых попала в «чёрный список»: местный священник Никонор Лапин выдал белым всех коммунистов и сочувствующих красным. В этом списке имя Василия Дмитриева стояло одним из первых. Семье её родителей тоже приходилось несладко, ведь все их зятя и сын Константин воевали в Красной Армии. Несколько раз каратели приходили с обыском и искали Василия, знали, что прячется он где-то селе или его окрестностях. Но каждый раз его успевали предупредить, и муж скрывался, иногда в последний момент. Наказав детям молчать, беременная четвёртым ребёнком Анна, неизменно твердила всем проходящим с обыском: «Нету его, и где он, не знаю. Приходит и уходит, со мной много не говорит. Проверяйте, ищите, если хотите...» Проверяли, искали, устраивали засады. Но Василию везло. Ни в одну из ловушек он не попался. А она, каждый раз завидя очередной патруль, сходила с ума от страха за детей, за мужа, за себя и своего ещё нерождённого ребёночка. Однажды прибежала соседка и сообщила, что её, как жену коммуниста, приговорили к прилюдной порке на площади, и сейчас за ней придут: «Уходи, куда-нибудь, Христа ради!» Анна, отправив детей к деду с бабкой, выскочила в чём была в огород и скрылась среди высокой картофельной ботвы и подсолнухов. Слышала, как грохотали подкованные сапоги по высокому крыльцу, как рыскали каратели по амбарам и конюшням. Замерев, боясь лишний раз вздохнуть, долго лежала Анна в траве после их ухода... И пока белые были в селе, ещё целую неделю, всё пряталась, хоронилась на огороде. Этим она спасла и себя, и своего сына Яшеньку, родившемуся в октябре 1919 года.

После ухода белых и восстановления Советской власти на селе Василий Семёнович возглавлял комитет бедноты, был председателем ТОЗа, одним из организаторов коммуны. В конце 20-х и в тридцатых годах он работал оперуполномоченным милиции. В начале 30-х годов семья Дмитриевых уехала из Долговки. К тому времени в ней было уже 6 детей, из них пять сыновей и дочка Агнесса, мамина радость. Долгое время они жили в Средней Азии, пока Василий в числе одного из красных отрядов гонял и уничтожал банды басмачей.

Около 1936 года семья вернулась в Долговку. Вскоре после возвращения домой умер от туберкулёза один из сыновей Анны Дмитриевны, 22-летний Аркадий, оставив жену Софью с маленьким ребёнком на руках.

10 октября 1940 года на срочную службу в ряды Красной Армии был призван её сын Яша.

С началом войны в дома сельчан вошли боль и скорбь. У Анны Васильевны взяли на фронт сначала Степана – в июле 1941, потом Николая – в августе. Младшего сына Евгения – в марте 1943 года. А Яков ещё не успел вернуться из армии. О нём, служившем на западе, особенно болело сердце у матери. И перед войной было там беспокойно, а уж как на нашу землю германец пришёл, так и вовсе мать покой потеряла. Последнее письмо пришло от сына в августе. С открытой тоской он писал родителям: «Когда ещё доведётся посидеть на своём крыльце, когда я приду домой?..» Часто доставала это письмо мать, гладила руками, читала и перечитывала, вглядывалась в неровные строчки, словно сквозь них пыталась увидеть сына, понять, где он и что с ним.

Сорок третий год был тяжёлым для семьи. Умерла от тяжёлой болезни сноха, жена сына Николая, всех пятерых его детей Анна Васильевна пригрела у себя. Старший внук, 17-летний Михаил работает в колхозе на тракторе, а Калистрату пятнадцать, он уже год, как наравне со взрослыми мужиками слесарит в МТС. Из детей с ней только дочка Агнесса, школьница. Комсомолка и активистка, совсем, как отец. Сильно заболел муж, слёг и уже не встаёт. И ещё беда: 25 ноября старшего внука Мишу призвали в армию. Пожалуй, провожать внука на войну было ещё тяжелее, чем сыновей. Бабушка Аннушка, как ласково называли её внуки, не могла сдержаться, провожая его. Всё крестила его вслед, шептала молитвы, а по морщинистым щекам неудержимым потоком лились горькие слёзы.

Тяжело было в сорок третьем, но сорок четвёртый стал поистине страшным годом для всех. В начале года весь израненный, пришёл домой большак Николай. Радость со слезами пополам.

Потом умер муж, Василий Семёнович, спутник жизни, вместе с которым Анна прожила трудные 40 лет. Всё было за эти годы, и радость, и боль. Как бы ни было, всё преодолевали и переживали вместе.

А в начале октября в дом к Анне Васильевне принесли похоронное извещение на Мишу. В нём было сказано, что сержант, стрелок-радист танка Т-34 41 танковой бригады Дмитриев Михаил Николаевич 24 июля 1944 года сгорел в танке в бою при освобождении Латвии. Услышав эти страшные слова, Анна Васильевна без сознания повалилась на пол... Как же они все оплакивали его, всей своей семьёй! Казалось, сам дом стонет от той беды, что вошла в него. Непослушными губами Анна шептала: «Вот и Миши нет, и Яша наверное, где-то так же, так же...»

А потом война закончилась. Вернулся живым и здоровым самый младший

из сыновей Евгений. Стали возвращаться с полей сражений и другие фронтовики.

В один из дней кто-то из пришедших с войны фронтовиков явился с вестью к Дмитриевым. И Анна Васильевна с горечью узнала о том, что спасённый ею с таким трудом в Гражданскую войну сынок погиб ещё в сентябре 1941 года. Её милый, красивый, серьёзный Яша заживо сгорел в танке. И опять билась в голове мысль, причиняя боль и нестерпимую муку: «Яша сгорел в танке, и Миша так же, так же...»

...До конца жизни Анна Васильевна трепетно берегла и сохраняла групповую фотографию, на которой среди сверстников во втором ряду сидит её сын. Такой, каким она его помнит и будет помнить всегда: серьёзный, порывистый, целеустремлённый и ... живой!

Умерла Анна Васильевна 19 января 1972 года, лишь месяца не дожив до 86 лет. Похоронена на сельском кладбище села Долговки.

Баллада о солдатской матери

*Словно птица, потерявшая птенца,
По объятому войной металась краю.
Исходила от конца и до конца.
Сбила ноги: «Где сыночек мой, кто знает?»
И не значился в убитых ее сын,
И не числился он в без вести пропавших.
Ковыли секли по ноженькам босым,
От ветров шатало, порохом пропахших.
Ни комбат ей не помог, ни военком.
Чёрной тенью от рассвета до заката
Шла она через посты, и в каждый дом
Мать стучалась: не встречал ли кто солдата?
Фотографию потёртую одну
Всем показывала:
- Вот он, мой сыночек!
Может, где у вас находится в плену,
Может, видел кто, да рассказать не хочет?
Где ж головушку ему пришлось сложить?
– Все звала, искала и не доискалась.
Не нашёлся сын.
А мать устала жить,
У нее для жизни силы
не осталось.
Вдруг вернула сына алчная война.
А навстречу ему траурные звуки:
- Это мама умерла твоя. Она
Не смогла с тобою вынести разлуки.
- Мама, мама! – взмыло выше тополей.
– Что ж меня ты не встречаешь у крылечка!*

*Не дождавшихся помянем матерей
И сынов, ушедших из дому навечно.*

(Юрий Чичев)

ДОДОНОВА АННА ГРИГОРЬЕВНА

«Доля ты русская, долюшка женская...»

В нашу Книгу Памяти мы внесли воспоминания дочери Анны Григорьевны – Александры Ивановны Додоновой (1923 – 2009), записанные в 2007 году.

«Я хочу рассказать о своей матери. Она долговская, родилась в 1885 году. Её звали Анна Григорьевна, девичья фамилия у неё Гадаева. Она родом из очень зажиточной семьи, старшая сестра Клещевой Н.Г. (Н.Г. Клещёва, так же героиня нашей книги – прим. составителя). Мама в первый раз выходила замуж за Сони́на Ивана Аверьяновича. И от этого брака у неё было рождено четверо детей: Дмитрий, Алексей, Александр и Мария. Потом мама овдовела: её муж заболел и умер. Второй раз она вышла замуж в 1922 году за моего отца Додонова Ивана Степановича, который к этому времени тоже овдовел. У него на руках после смерти жены осталось пятеро детей, но двое умерли в голод 1921 года. После того, как родители поженились, в 1923 году родилась я, а потом мой брат Андрей. Вся наша большая семья ютилась в маленькой избушке в Шлыковке (ныне улица Сергея Волкова).

Мама моя была вечная труженица. Внешне была среднего роста, сухая и строгая. Наверное, иначе и нельзя было: девять детей, без строгости и не совладать с такой оравой. Сидеть сложа руки она не любила, да и не умела, не знала, как это можно празднично сидеть и ничего не делать. В её руках всегда что-то шилось, штопалось, готовилось. Всё до последней пылинки в доме у неё было убрано, вымыто, выстирано, всё управлено.

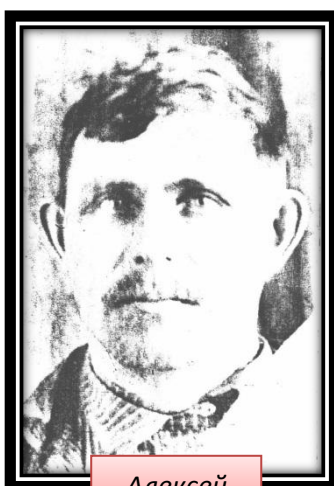
До колхозов мы жили бедно. Отец никогда хорошо не жил, батрачил у кого-нибудь из богатеев всё время. Поэтому, когда началось раскулачивание, нашу семью не тронули – что с нас возьмёшь? А вот всю мамину родню раскулачили: и родителей, и сестёр, и брата. Мама, конечно, переживала очень сильно за родителей. Бабушка Хавронья после смерти мужа жила в семье сына Петра, и когда сына раскулачили и отправляли в Сибирь на поселение, ей разрешали остаться, она была старая и больная, и мама хотела

взять её себе. Но та сказала, что и в беде не покинет сына, и уехала в ссылку с ним. Там, где-то в Сибири, она и сгинула. К 1927 году старшие дети разъехались по своим хозяйствам. Мамин сын Дмитрий ушёл примаком в семью к жене Анне, они сразу же вступили в колхоз, к началу войны у них было уже семь детей. Отцов сын Дмитрий тоже женился, у него было четверо, и у Алексея четверо. Третий из маминых сыновей, Александр, был самым красивым и видным из всех. Он служил срочную службу на флоте, и как раз в это время шла война в Испании. Так их корабль возил туда добровольцев, оружие и медикаменты. Мама тогда очень переживала за Сашу. Она была такая, что старалась не показывать своих страхов, но видно было, что не по себе ей. Внуки часто навещали её, да что часто, каждый день толклись тут, возле бабушки. Она хоть и строгая была, а всё равно её все любили. Как говорится, «высоко замахнётся, да не больно ударит». Жалела всех. В последний год жизни болела сильно, да расстраивалась. Брат-то Пётр вернулся из ссылки году в 1939-м, а бабушка умерла на поселении. Мама сильно расстраивалась, что попрощаться с ней не довелось. Вот от болезни она и умерла, накануне войны, в 1940 году. Было ей 55 лет. Умерла, в окружении всех своих девяти детей, не одного десятка внуков. И это наверное, хорошо, что не дожила она до войны, не узнала о смерти своих четырёх сыновей. Похоронена она в Долговке, на сельском кладбище. Оба Дмитрия, и Алексей на чужой сторонке где-то схоронены, а вот Саша рядом с мамой лежит. Он израненным пришёл в 1943 году. На войне был санинструктором в частях морской пехоты и был тяжело ранен в бою. Его комиссовали, и он 2 сентября 1944 года умер от ран дома. Когда хоронили его, рядом с мамой, то в гроб ему его верную бескозырку положили...»

Дмитрий

Алексей

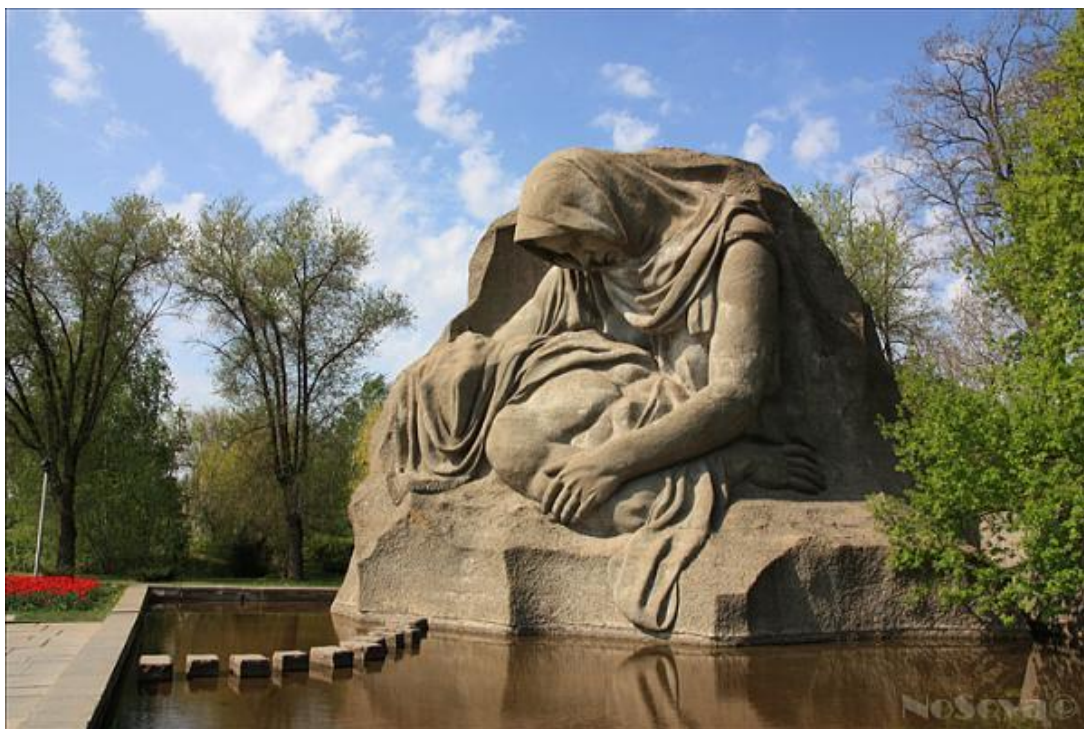

Александр

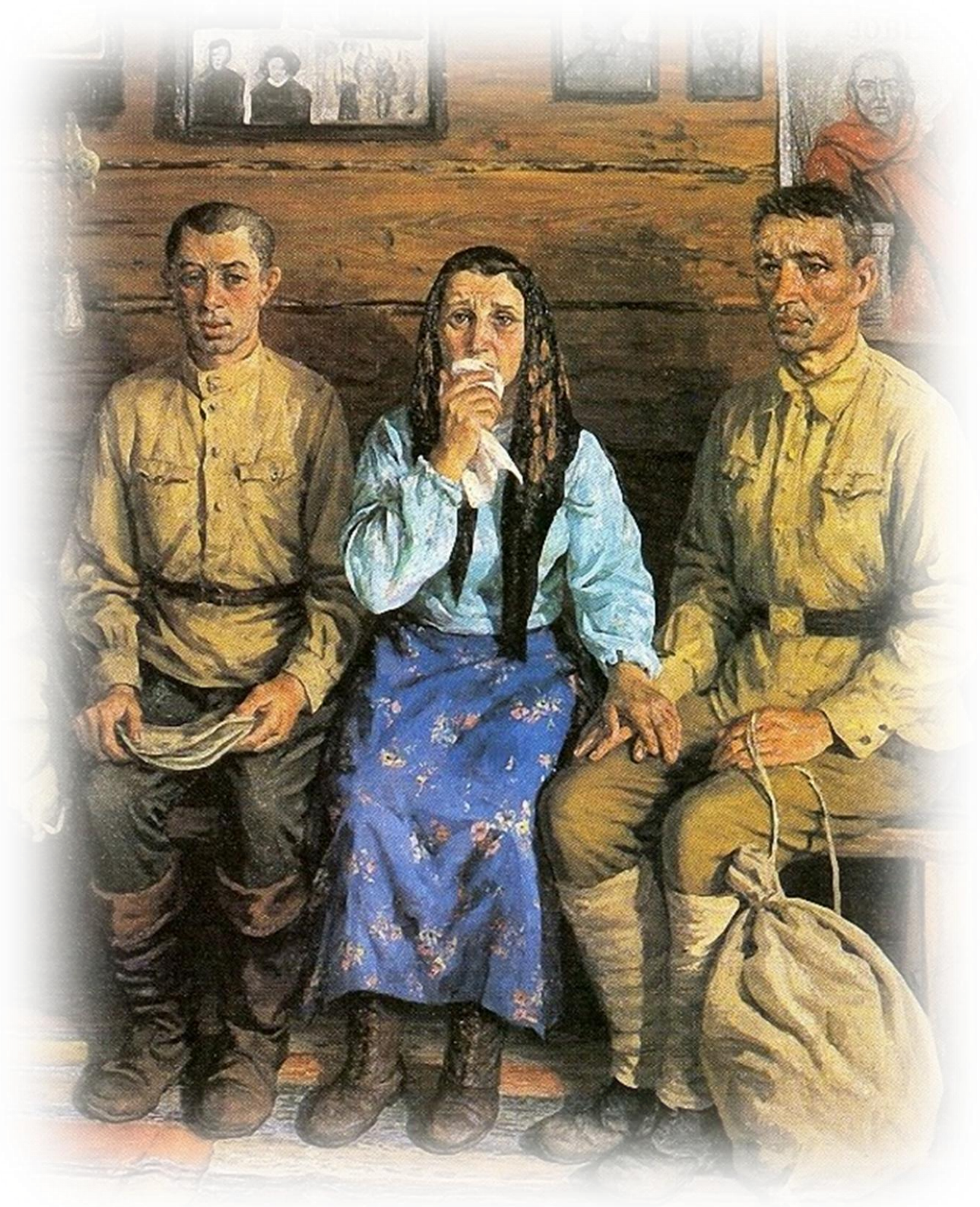
Матери

*Никаких гимназий не кончала,
Бога от попа не отличала,
Лишь детей рожала да качала,
Но жила, одну мечту тая:
Вырастут, и в этой жизни серой
Будут мерить самой строгой мерой,
Будут верить самой светлой верой
Дочери твои и сыновья.
Чтобы каждый был из них умытым,
Сытым, с головы до ног обшитым,
Ты всю жизнь склонялась над корытом,
Над машинкой швейной и плитой.
Всех ты удивляла добротою.
Самой беспросветной темнотою.
Самой ослепительной мечтою...
Нет святых,
Но ты была святой!*

(Н. Старшинов)

Монумент «Скорбящая мать» на площади Скорби в Волгограде

М. Богатырёв. Проводы

КЛЕЩЁВА АНТОНИНА ВАСИЛЬЕВНА

*«Остаётся вечной болью в сердце сын, не
возвратившийся с войны»*

Антонина Васильевна – младшая сестра А.В. Дмитриевой (см. выше – примеч. сост.), средняя из сестёр Пеньковских, родилась в 1890 году. Грамоте не была обучена, девочек неохотно отдавали в школу родители, считалось это не обязательным и даже вредным. Быстро промелькнуло крестьянское детство и в 1910 году Антонина вышла замуж. Выдали её замуж в родное село за ровесника Клещёва Александра Алексеевича. Особым достатком семья не отличалась, но и в батраках не жили. Первенец родился в 1913 году, его по деду назвали Алексеем. В 1916 году, уже без отца, который был призван на фронт Первой мировой войны, родилась дочь Апполинария, а, после возвращения отца, в 1919 году – сын Иван.

В годы Гражданской войны муж воевал у красных. Вообще в семье все мужья у сестёр и родной брат Костя Пеньковских – воевали у красных. Поэтому, когда в село вошли белые, жизнь в семье Клещёвых замерла. Ждали каждый день самого худшего. Но всё как-то обошлось.

После войны жизнь стала потихоньку налаживаться. Вернулся домой Александр, народилось ещё двое детей Зоя и Константин. Сыну имя дала в память о горячо любимом, погибшем в Гражданскую, брате. Придя с фронта, муж сразу окунулся в гущу сельских дел, пропадал то в сельсовете, то на собраниях. Антонина вела дом, растила детей. Конечно, беспокоилась за мужа, случалось, активистам и угрожали, и избивали, в других местах и убивали. В 30-х годах одними из первых вступили в колхоз «Красный Урал».

Незаметно, за делами и заботами вырос старший сын. В 1935 году привёл он в дом боевую и не лезущую за словом в карман жену Прасковью. Они работали вместе, там и приглянулись друг другу: Алексей – бригадиром тракторной бригады, а она – трактористкой в его бригаде. Вскоре сноха родила мужу сына Петю, а ещё через год – дочку Любу.

К концу тридцатых годов работали в колхозе и Апполинария с Иваном. У самой здоровье было ещё крепкое, всюду успевала Антонина: и по дому, и

по хозяйству, и за детьми ухаживать, и внуков приголубить. В колхозе стали лучше жить. И казалось Антонине, что всё плохое уже преодолели.

Но в конце 1939 года Советское правительство объявило войну Финляндии. В газетках писали об этом, и хоть неграмотна была Антонина, но разговоры слышала, её мужики говорили о плохих отношениях с финнами и о том, что дело идёт к войне. Этих разговоров Антонина боялась: столько войн уж было, зачем ещё-то одна? Но вот она началась, война. И из села стали призывать ребят на фронт. Пришла повестка и её старшему, Алексею. Он, конечно, храбрился, успокаивал маму, а у неё сердце заходило. То ли правду говорят о материнских предчувствиях?!

Всего четыре месяца шла война, а сколько бед принесла. В село 6 человек из семнадцати призванных не вернулись с Финской. В их числе и Алексей Клещев, её сынок, её старший, её первенец. Пропал без вести её Алёша, утонул где-то в бесчисленных безымянных болотах на Карельском перешейке. Столько слёз пролила по нему Антонина, словами не передать, столько горечи и тоски осело у неё в сердце, иногда хоть криком кричи от безысходности и несправедливости... Так первая горькая потеря, как страшная предвестница грядущих бед, вошла в дом Клещевых.

В 1940 году женился сын Иван, и в начале сорок первого родилась у Антонины внучка Людмила.

А в 1941 году грянула война с немцами. Уже на следующий день после объявления войны прошла первая военная мобилизация и первый, казалось, нескончаемый обоз с призванными ушёл на станцию Мишкино. Стоял над этим обозом стон и плач. Конечно, и с гармониями провожали, но какая-то мрачность и безысходность всё равно витали над уходящими на фронт. Или это всё только привиделось Антонине?

Потом мужчин стали забирать каждый день. А уже с середины июля пошли первые похоронки... Сначала все надеялись, что война скоро закончится, ведь у нас самая сильная армия, самый мощный флот, танки, самолёты. Но мужики уходили, похоронки сыпались, а война ещё только набирала обороты.

И Ивану вскоре тоже пришла повестка: явиться в Куртамышский райвоенкомат 19 августа 1941 года к 8.00. При себе иметь... Со слезами провожала мать снова сына на войну. И сын другой, и война другая. А боль и слёзы всё её же...

Радостью было первое полученное письмо! Воевал сын в кавалерии, но не конником был, а пулемётчиком. Писать, говорил в письме, некогда, воюю

под Москвой, и каждый день идут тяжёлые бои, потому что враг рвётся к нашей столице.

А потом вдруг не стало писем... И вообще ниоткуда, ничего, ни единой весточки. Мать надеялась, ну, раз похоронки нет, может воюет где-то, писать некогда. А может ранен тяжело, писать не может, вот выздоровеет и напишет, обязательно напишет! И всей семьёй ждали они письма от Ивана. Вот и сорок второй минул, и сорок третий, вот и сорок четвёртый подходит к концу. Уже год, как воюет на фронте Костя, наши уже немцев погнали, уже в Германию проклятую пришли, Европу освобождают.

И вдруг – письмо! От Вани! Наконец-то! Ах, как обрадовалась мать, как вспыхнула в ней яркой звездой счастье: наконец-то объявился её сынок, написал! А она-то, все глаза проглядела, на немую дорогу гляючи. Писал он, что вот раньше не было у него возможности сообщить о себе, а вот теперь такая возможность у него есть. Он в армии и обязательно вернётся к ним домой. Вот такой огромный подарок принёс почтальон в дом Клещёвых. Мать засветилась вся, помолодела, отступили чёрные думы. Вечером сели писать ответ, и каждый в семье отдельно по письму Ивану написал о том, как ждали от него весточки всю войну, как живут в тылу, и как теперь ждут его с победой домой. Отправили письма и стали ждать ответ.

Но после такого недолгого воскрешения, Иван окончательно пропал и не подал о себе больше весточки никому...

Окончилась война, стали возвращаться домой фронтовики. Смотрела мать на возвращающихся чьих-то мужей и сыновей и тоской леденило её сердце. Не приносили покоя и встречи с сёстрами: у Ани сын пропал без вести ещё в сорок первом, у Кати и муж, и сын погибли, на обоих похоронки пришли. Соберутся сёстры, только наплачутся вместе, да и разойдутся, каждая своё горе мыкать.

Однажды, уж года 2-3, как война кончилась, пришло на имя Ивана письмо из Ленинграда. Тут и узнала мать, где так долго пропадал и почему всю войну не писал писем её Ваня. Оказывается, был он в немецком плену, попал туда тяжело раненым. Освободили их наши войска и после проверки Ивана направили в действующую армию. Там же было написано, что с ними в плену дружил ещё один парень, родом из Свердловска. В ответ на их письмо ленинградец дал точный адрес свердловчанина. Загорелась была надежда в сердце у матери узнать побольше о судьбе сына, но ответ из Свердловска погасил её. Парень писал, что очень жалеет о судьбе Ивана, но, к сожалению,

утешить родных ему нечем. После всех проверок их разлучили и отправили в разные части. Больше о судьбе друга ему ничего не известно...

И всё равно, до самого края жизни, она надеялась, верила и ждала.

Умерла Антонина Васильевна в 1973 году в возрасте 83 лет. Похоронена на сельском кладбище родного села.

Уже большие годы прошли после смерти матери, в конце 80-х годов, родным открылась ещё одна, доселе неведомая страничка фронтовой жизни Ивана. В сельский Совет из Министерства обороны на его имя пришёл наградной лист, где говорилось, что за совершённый подвиг летом 1942 года командование части наградило рядового Клещёва И.А. орденом Боевого Красного Знамени. Почти через 50 лет награда разыскала дом солдата, только сам он так и остался где-то на войне...

Подробности судьбы Ивана Клещёва до 1944 года стали известны лишь в 2012 году, когда было выяснено, что наш земляк служил во втором кавалерийском полку номером пулемётного расчета во 2 кавдивизии, относящейся к 1 кавалерийскому корпусу. Воевал, действительно, под Москвой. Был тяжело ранен весной 1942 и попал в плен. Сначала содержался в Рославльском пересыльном лагере, лежал там в лазарете и в июне 1942 был отправлен по этапу дальше. В конце концов он оказался в Люблинском лагере смерти, известном по названию Майданек. Он был освобожден нашими войсками осенью 1944 года. Те, кто не могли ходить, тех вывозили из лагеря на машинах. А кто держался на ногах, тех отправили до комендатуры пешком. Иван был среди них. На этом знания о его фронтовой судьбе пока заканчиваются. Возможно, дальнейший поиск укажет на то, как и при каких обстоятельствах прервалась жизнь И.А. Клещёва. Сейчас его дочь Людмила живет в г. Новокузнецке, именно ей были переданы полученные материалы.

* * *

*Майским днём в сорок пятом,
На заре, помнишь, мать,
Как ты сына-солдата
Выходила встречать?*

*Сколько зим под окошком
Выстилали холсты,
Сколько лет по дорожкам
Рассыпали цветы,
Сколько в осень рябилось
Рябины в глазах,
Сколько горя пробилось
Сединой в волосах!*

*Но живёшь ты и веришь,
Ожиданьем полна...
Обелиском у двери
Стоит тишина.*

(А. Жульков)

Игошев. Она всё сына ждёт...

КЛЕЩЁВА НАТАЛЬЯ ГРИГОРЬЕВНА

*«Мать русская! Ты и страдая,
не гасишь света и лучей!»*

Много в жизни испытаний выпало на долю нашей землячки Натальи Григорьевны Клещёвой. Родилась она 26 августа 1886 года в зажиточной семье. Родителей её звали Григорий Фёдорович и Февронья Семёновна Гадаевы. Отец занимался продажей скота, человеком был наживчивым, поэтому семья имела стабильный и хороший доход. Жениха отец ей нашёл из семьи под стать своей собственной. Иван Васильевич Клещёв, из семьи основателей села Долговского, крепко стоял на ногах, занимался разведением скота и был крупным по здешним меркам землевладельцем. За его сына Василия и сговорились родители отдать Наталью.

Молодые поженились в 1908 году. Жили дружно, без скандалов, без обид. Очень сдружились с молодой семьёй Василия Кондакова, он держал торговую лавку в селе. Часто ходили друг к другу в гости, отмечали вместе праздники. А женщины между собой были вообще задушевыми подругами, делились всем самым сокровенным. Ведь они давно дружили, жили в девичестве по-соседству.

Хорошо приняли сноху и родители Василия. Наталья сама по себе была женщиной доброй, ласковой, могла ужиться хоть с кем, при любых обстоятельствах. Была гостеприимная, хлебосольная хозяйка, которая, впрочем, прекрасно справлялась с обязанностями по уходу за огромным хозяйством свёкра. Первым в молодой семье родился сын Семён, в 1910 году. Следом за ним, как грибочки после дождя, народились Мария, Клавдия, Алексей и Иван.

С приходом Советской власти зашаталась вековая устои, по которым привыкли жить сельчане. Её муж был объявлен кулаком, их семью всё время склоняли на разных собраниях, требовали выполнения многократного плана по хлебозаготовкам, объявили бойкот, лишили права голоса. Наталья не понимала, что творится. Это был кошмар какой-то! Вполне приличные люди, которые всегда с почтением относились к семье, вдруг стали враждебными и чужими. Наталья приходила к Анастасии Кондаковой и они

пытались хоть как-то отрешиться от суровой действительности, но она всё время вползала в их разговор...

В 1930 году были раскулачены и высланы из села первые 20 семей. Среди них была и семья Василия Кондакова. Выселяли всех, не жалея грудных детей, больных стариков, отбирали вещи до последней тряпки. Господи, когда же успели так сильно озвереть люди?! Выселения Наталья ждала со дня на день. И на общем семейном совете было решено отправить Семена куда-либо в другое место. Пусть устроится, работает, может, его не найдут, и он не попадёт в ссылку. Мария к этому времени уже вышла замуж, из села уехала, и была надежда, что её не тронут. Ну а младших детей отправить было просто некуда, да и Ванечке в тридцатом году только годик.

Черед семьи на выселение наступил в 1933 году. Василий Иванович был признан кулаком 3 категории, по которой конфискуется хозяйство и дом, но члены семьи за пределы района не высылаются и могут остаться в сельском сообществе. Их выгнали из дома, вещи растащили по себе, а всё хозяйство забрали в колхоз. Василия выслали в Челябинск на принудительные работы сроком на пять лет. Старший сын работал на заводе в Новосибирске, но потрудиться пришлось совсем немного. Его искали, нашли и силой вернули назад, чтобы раскулачить вместе с родителями. Нельзя, видно, с клеймом сына кулака среди рабочего люда быть. Хоть и работал там он хорошо. Василия увезли в Челябинск, а им разрешили остаться в селе. С ребяташками, младшему из которых было только четыре года, Наталье пришлось скитаться по селу, ютиться в крохотных, ветхих избёнках.

Каково же ей было, хозяйке большого дома, жене и матери, пережить крах всего: хозяйства, надежд на будущее для детей и для себя, да и всего привычного и понятного уклада жизни! К неустроенности быта добавлялись и унижение, и страх за детей, тревога за мужа, и зыбкое, неустойчивое их положение в родной деревне.

Отработав положенный срок, Василий Иванович приехал за семьёй и увёз её в Челябинск. Но тяжёлыми работами и недоеданием здоровье главы семьи было подорвано, и он вскоре умер. Наталья Григорьевна приняла решение вернуться в родное село. Они поселились в старой избушке, рядом с её родчим домом, в котором раньше жил брат Пётр с матерью. Брата тоже раскулачили, выслали в Сибирь, и теперь в его доме была контора колхоза «Совет». Надо было как-то существовать, поэтому они всей семьёй вступили в колхоз. Приняли их безо всяких, потому что знали, что люди они

работящие. Семён, уже отслуживший в армии, работал в «Совете» трактористом, остальные дети учились в школе.

«Всё-таки с горем пополам жизнь налаживается, - думала временами Наталья Григорьевна. – Избушка маленькая, но в родном краю, коровка есть, дети все живы, рядом. В 1938-м Сёма женился, Татьяна у него работающая, из Фроловки взял. Вот внучек Данилка подрастает. Может, хватит уже испытаний на мою бедную многострадальную голову...» И не ведала мать, что жестокая беда уже стоит на пороге, главные испытания ещё впереди.

Июнь 1941 года. Война. Наталье ли не знать, что это такое? Помнит она, как провожали односельчан и на русско-японскую, и на германскую, потом Гражданская, Финская... Несть числа потерям. Сколько их, молодых парней и мужиков, сложило голову на чужбине. И вот снова война.

28 июня был мобилизован её сын Семён. Убивалась на плече мужа Татьяна, благословляла, вытирая слёзы, мать. Вместе с Семёном призвали ещё больше 20-ти человек. Да сколько ещё увезли до этого. Ведь, как началась война, так каждый день забирают и забирают.

Сначала все надеялись, что быстро вернуться сыновья и мужья. Ну 2-3 месяца, не больше. Но война затягивалась. Силён оказался немец. Пёр и пёр по России. А на село сплошным дождём посыпались похоронки. «Ваш сын...муж...брат ... уроженец села Долговского Челябинской области ... пал смертью храбрых...был убит...был ранен и умер от ран...пропал без вести...»

 Был этот дождь сухим и шелестящим,

 Но от него щека была мокра...

Как ушёл Семён, так и нет от него писем. Замирало сердце матери, мысли складывались в нескончаемую молитву, а в ней три слова всего: «Сёмушка, вернись домой!»

Подошёл август 1942 года. В этот месяц, 21 числа на фронт взяли Алёшу. Все глаза выплакала мать, провожая сына и теперь ждала уже двоих.

В войну Наталья Григорьевна уже не работала, годы не те. Но работала сноха, пропадая сутками на работе, водилась с внуком, небольшим был ещё и сын Ваня. Письма от сына хоть не часто, но приходили. Писал, что идут сильные бои, но немцев они гонят на запад, и потом придут домой. Каждый раз при виде почтальона от отчаянной надежды и липкого страха её сердце судорожно сжималось: какую весть принесёт он в дом – долгожданный треугольник или казённый конверт?

Вот и случилось... Однажды, в один из поздних осенних дней в дом Натальи Григорьевны вошла беда, которую принесла серая казённая бумага. В ней

говорилось, что её сын, младший сержант, командир отделения 700 стрелкового полка 2 стрелковой бригады 204 стрелковой дивизии Клещёв Алексей Васильевич, пал смертью храбрых в бою в сентябре 1943 года. Был похоронен в Смоленской области, Гагаринский район, деревня Моченево...

Почему в глазах тьма? – может, это солнце потухло. Да и верно, зачем ему теперь светить... Земля, куда ты уходишь из-под ног, разве мало тебя на Алёшиной могилке?! Думалось, что все слёзы она по Сёме выплакала, нет, и Алёшеньке досталось слёз материнских. Как сердце эту боль выдержало – не объяснить, не понять. Она, как во сне жила, механически выполняя всю повседневную работу. Но где-то, в глубинах души, не позволяя просто лечь и не встать, теплилась тонкая свечечка надежды на возвращение сыновей.

...Прошли годы. Давно окончилась война, отобравшая её сыновей. Ваня окончил пединститут, работает в селе учителем истории. В школе работает и Клавдия. Уехал в Челябинск выросший Данилка. Построили Клещёвы в улице Советской большой красивый дом, тихо в нём, спокойно. Слишком тихо и слишком спокойно...

Из воспоминаний внучатой племянницы Пережегиной А.А.:

«Хорошо помню бабушку Наталью Григорьевну, она была тёткой моему отцу, сестрой его матери. Сначала после войны они в бедной избёнке жили, Данька со мной в школе вместе учился, а мать у него во Фроловке работала. Она замуж после гибели мужа так и не вышла, с сыном одна прожила. А потом бабушка Наталья поставили новый дом, и я, уже будучи замужем, часто приходила туда со своими маленькими детьми. Бабушка была очень гостеприимная и добрая. Только мы на порог, она сразу сына Ивана зовёт, посылает его в голбец, доставать угощение для гостей. Дети они и есть дети, разбалуются, хохочут, бегают из комнаты в комнату. Мы их шугаем, а бабушка Наталья с печалью нам говорит: «Ну ругайтесь, пусть хоть в доме детки пошумят, потопают, хоть смех детский дом услышит, а то у нас всё тишина да тишина...»

Разумом всё понимала мать, а сердце так и не смирилось с потерей сыновей, и весь оставшийся ей на земле срок ждала их, ждала, ждала. Иногда она часами сидела у окна и глядела на дорогу, по которой ушли на войну её дети и не вернулись обратно. В снах своих материнских видела их живых и здоровых у порога родного дома.

Прожила Наталья Григорьевна большую жизнь и умерла 13 апреля 1975 года в 88 лет. Похоронена на сельском кладбище села Долговки.

Матерям

*Материнская доля – сыновей провожать,
А затем возвращенья их с тревогою ждать,
Писем редкие строчки нежно гладить рукой:
«Не волнуйся, родная, скоро буду с тобой».*

*Материнская радость – это встречи слеза
И горящие счастьем молодые глаза.
Хлебосолье-застолье и веселье рекой,
Ожидание свадьбы и внучат звонкий рой.*

*Материнское горе – боль потерь и утрат,
Вниз упавшие руки и невидящий взгляд,
Полный муки, страданья отчаянный крик:
«Я не верю, не верю, мой кровиночка жив!»*

*Материнская память – это ночи без сна.
Паутинки-морщинки и волос седина,
Разговор с тишиною, фотографий альбом
И медаль «За отвагу», что вручил военком.*

*Материнская слава – незабвенность детей,
Теплота незнакомых и близких людей,
Обелиск, утопающий в море цветов,
И от сердца идущая искренность слов.*

(В. Лаухтин)

Ф. Богородский. Слава павшим героям

КЛЕЩЁВА ТАИСИЯ ФИЛАТОВНА

«А она всё сына ждёт...»

Таисия Филатовна родилась в селе Коровье Мишкинского района в 1907 году. Сначала она была единственной дочерью у отца с матерью. Когда маленькой Тасе было семь лет, родная мать у неё умерла, и отец привёл вторую жену. От второго брака отца родился сын Евдоким и дочь Анастасия. Замуж Тасю выдали рано, в 17 лет, в чужую деревню. Её высватали в село Долговку за Клещёва Артемия Епифановича в 1924 году.

Трудными для жизни были 20-30-е годы, голод, перемены жизненного уклада. Много раз рожала детей Таисия Филатовна, а вот выжили только трое: Лагантий, Василий и Зоя.

В 1929 году купили себе дом по улице октябрьской и стали жить отдельно от родителей. В начале 30-х годов семья Клещёвых в поисках лучшей доли уехала в Челябинск на строительство завода имени С. Орджоникидзе. Но душа тянулась домой, и в 1939 году семья вернулась в Долговку. Младшие Вася и Зоя ходили в детский сад, а Лога учился в школе. Старший сын радовал родителей: спокойный, работающий, старательный. У него было много друзей, особо выделялся Алёша Клещёв и мальчишки-близнецы Миша и Паша Липины. Все жили по-соседству, вместе проводили дни и вечера. Лога умел играть на балалайке и часто вечерами брал её в руки.

Когда началась война, отца Логи взяли на фронт. Сам Лога в школе учиться не стал, а начал вместе с матерью работать в колхозе «Красный Урал», заменяя ушедшего на войну отца.

Но вскоре, в 1942 году из военкомата пришла по вестка и сыну. Тяжело и больно было отпускать матери сына. Сердце сжималось, будто чуяло приближение непоправимой беды.

Ущёл сын на фронт и как в воду канул: ни письма, ни весточки от него маме за всю войну так и не пришло. Кто не придёт с фронта, в отпуск ли, насовсем ли, бежала, спрашивала, не встречал ли кто, не слышал ли. Бежала с надеждой, а возвращалась, тяжело волоча ноги от тяжести на душе и тоски.

Вот и кончилась война. Многие друзья и одноклассники вернулись домой. Закадычный друг Алеша Клещёв вернулся лейтенантом, инвалидом 2 группы, Коля Пережегин – тоже инвалид, шалопай Колька Логинов, тому ничего не сделалось, медалей и орденов – полная грудь. А её Логи нет как нет. Да и многие его одноклассники не пришли: Костя Логиновских погиб где-то в Белоруссии, Миша Панков под Новгородом, без вести пропал Дима Полетаев. Сколько же их, таких молодых... Но про которых хоть что-то известно, а вот ей, как? Ну совсем же ничего, как призвали, и всё, и как не было у неё сына...

И всё равно, вопреки всему, ждала мать и надеялась, что её сын хоть когда-нибудь да вернётся к ней, к порогу родного дома. Ждала и ждала.

Она так и умерла, ожидая сына, 12 февраля 1980 года. Похоронена на сельском кладбище села Долговки. А о судьбе сына до сих пор ничего неизвестно. Но его имя, наряду с другими односельчанами выбито на плитах памятника павшим в селе, а значит он не забыт.

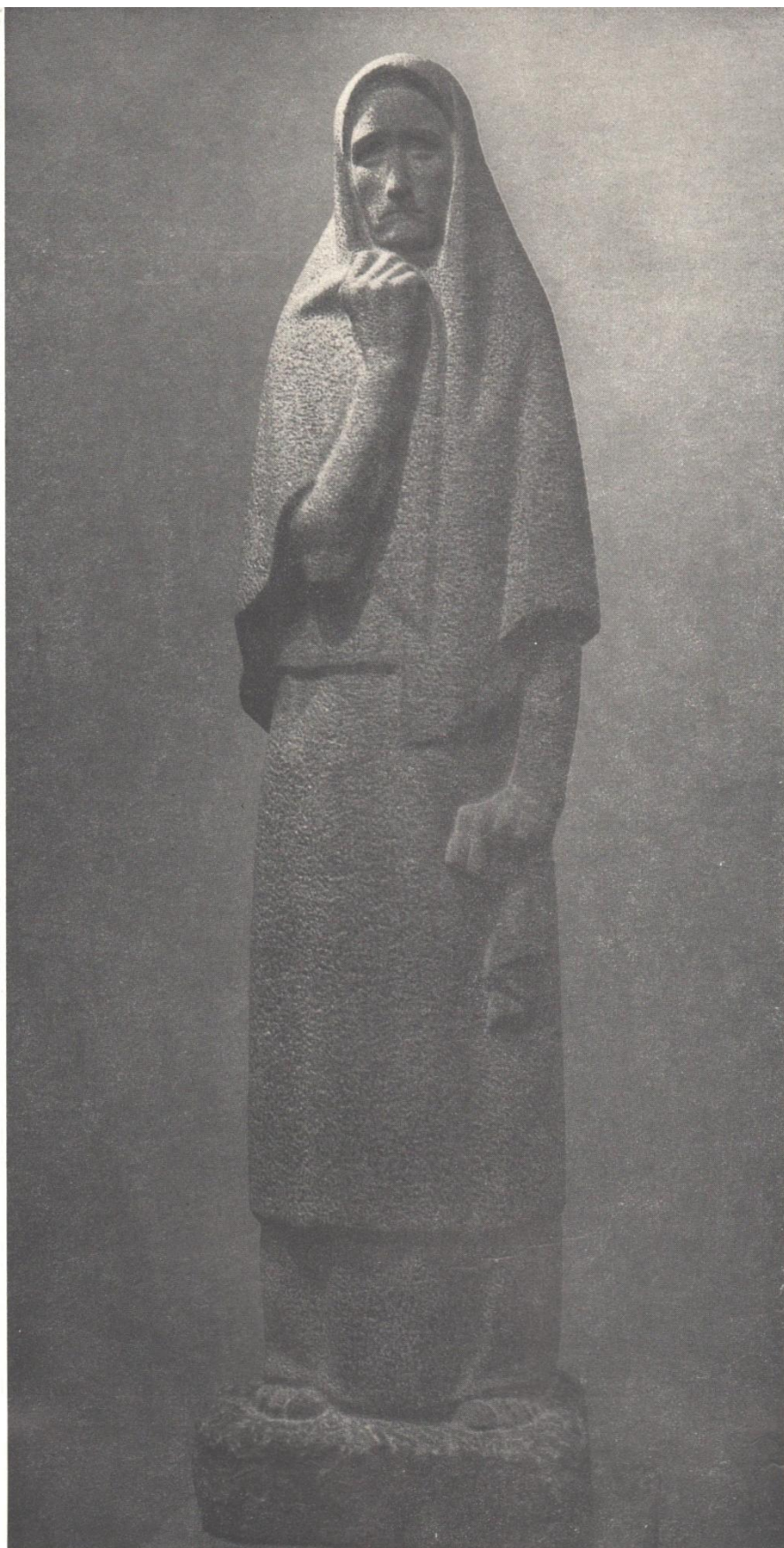
* * *

*Постарела мать за тридцать лет,
А вестей от сына нет и нет.
Но она всё продолжает ждать,
Потому что верит, потому что мать.
И на что надеется она:
Много лет, как кончилась война.
Много лет, как все пришли назад,
Кроме мёртвых, что в земле лежат.
Сколько их в то дальнее село
Мальчиков безусых не пришло...*

(А. Дементьев. Баллада о матери)

Коростелёв. Память

Г. Иокубонис. Мать

КЛЕЩЁВА ФЕДОСЬЯ МИТРОФАНОВНА

«Нет святых. Но ты была святой!»

Федосья Митрофановна родилась 27 мая 1875 года в деревне Телегиной. В семье родителей – Митрофана Кирилловича и Милодоры Алексеевны – она была первым ребёнком, старшей сестрой для младших детей Пелагеи, Василия и Ивана. Митрофан Кириллович имел крепкое середняцкое хозяйство. Старшую дочь постарался пристроить так же в обеспеченную семью. И в сентябре 1893 года Федосья вышла замуж за Степана Сизикова. Свёкор Фёдор Андреевич

считался зажиточным, да и имел в селе богатую родню. Его дядя, Влас Иванович, был одним из самых обеспеченных людей в Долговском.

Вскоре пошли детки. Первенец Александр в 1894, следом Елена, ... Федосья была трудолюбивой, всё умела, всё знала, выкладывалась на хозяйстве полностью. Вставала чуть свет, и ложилась за полночь. Молодая была, всё делала споро, работа у неё в руках кипела. В трудах и заботах пролетела молодость. Вот и дети выросли, завели семьи. А потом муж умер.

В это время всё ещё идет война, которая Гражданская, бьются между собой отцы и сыновья, брат идёт на брата... И, оставшись без семьи, Федосья уходит жить к родителям, которые, отделив детей, жили одни.

В 1921 году Федосья Митрофановна выходит замуж вторично и снова в Долговку. На этот раз – за вдовца с шестью детьми Клещёва Григория Захаровича. Это был высокий, крепкий мужик с широкой окладистой бородой. За сочувствие коммунистам во время войны, когда белые пришли в село, он был схвачен, приговорён к тюремному заключению и был отправлен карателями в Иркутскую тюрьму. Позднее рассказывал, что с приближением красных, во дворе тюрьмы каждый день кого-нибудь расстреливали, и он очень боялся, как бы до него не дошла очередь. В январе 1920 года красные одним ударом выбили противника из Иркутска, и вся охрана тюрьмы разбежалась, в спешке не уничтожив всех заключённых. Когда Григорий Захарович вернулся домой, то узнал, что вторая жена от него

ушла, и все дети живут дома одни. Благо, что старшая дочь Акулина уже взрослая, пора мужа искать. Что он и сделал при возвращении, женившись сам, и отдав дочь замуж в Назаровку за Логинова Илью Степановича.

Когда Григорий и Федосья поженились, обоим было уже по 50, и общих детей у них не было. В памяти всей родни Клещёвых она осталась добрым, заботливым и любящим человеком. Она прожила большую жизнь и помогла подняться на ноги всем детям мужа и внукам. Самого младшего из детей, семилетнего Льва, усыновила и так нежно и трепетно к нему относилась, что многие в селе, особенно из приезжих, считали её родной матерью Лёвы. А он сам никогда и не вспоминал, что у него была какая-то другая мама. Зачем? Мама Федосья и так лучше всех, всегда норовит дать кусочек послаще, одеть потеплее, обнять покрепче.

Лев рос в атмосфере дружелюбия и надёжности. Он таким и вырос. Закончил школу, потом Куртамышское педучилище и в 1932 году приехал работать в село учителем начальных классов. Кроме того, вёл курсы по ликвидации неграмотности. Потом продолжил образование в том же училище, получив право преподавать историю и географию. Был он высоким, плечистым, весь в отца, с открытым, честным характером. Отец и мать бесконечно гордились сыном: грамотен, умён, пользуется уважением в селе.

Жену привёз себе, красавицу Нину, она тоже в школе учителем работала, преподавала русский и немецкий язык. Двое детей народились, мальчик и девочка. Оно жить бы да радоваться. Но в 1939 году умер глава семьи, Григорий Захарович. Восемнадцать лет прожила с ним Федосья Митрофановна, годы пролетели, как один день. Вся жизнь матери сосредоточилась теперь на Лёве, которого вскоре назначили директором школы. Правда, личная жизнь у него не заладилась, жена, забрав сына, уехала, оставив дочку с отцом. Сын сошёлся и жил с другой женщиной, она тоже работала в школе, была родом из Закоулова, и звали её Лидия Васильевна. Мать очень переживала за Лёву. Только у них всё наладилось, как грянула беда.

Началась в 1941 году война. Со страхом ждала мать повестки. Надеялась, может не возьмут. Война быстро должна закончиться. Но война не закончилась, и 15 января 1942 года Льва призвали в армию. Мать с достоинством провожала и так же ждала. Благословила сына, обняла, никому не ведомо было, как страхом сжимает сердце, как слабеют руки и ноги от предстоящей разлуки.

Сын писал часто. Знал, как тяжело старенькой уже маме одной, без его поддержки и помощи. В письмах о себе почти не писал: зачем расстраивать маму, она и так ночами не спит, молится о нём и плачет в подушку. Но постоянно с заботой спрашивал, сумели ли накопить сена корове, заготовили ли достаточно дров на зиму...

Воевал Лев храбро. Сам он ей редко о таком писал. А вот от командования части на имя матери не один раз приходили благодарственные письма о том, как воюет её сын. Писали, что он служит санитаром и из одного тяжелого боя, под обстрелом врага вынес с поля боя более 30 раненых с их оружием. А в 1942 году командование наградило его орденом Красного Знамени, за то, что за то, что за три дня сильных боёв вынес 60 раненых с их оружием. Про это сын и домой писал: «Вся моя шинель была прострелена...» И гордилась сыном мать, и очень беспокоилась: лезет на рожон, поберёт бы себя. Но раздумавшись, обрывала такие мысли. Не так воспитан их с Григорием сын, чтобы свою работу на других переключивать. Потом сын прислал письмо. Командиры там узнали, что Лев хорошо немецкий язык знает, и послали его на курсы разведчиков. Он их закончил и стал командиром разведки в родном полку.

В начале февраля 1943 года от сына пришло письмо, лишившее её покоя. В нём было написано: «Мама, моей группе дано очень трудное задание. Не знаю, сумеем ли мы его выполнить и вернуться живыми...» Всё ждала – напишет, напишет, но писем всё не было. А в конце марта принесли серую похоронку, крах всех её надежд: «Ваш сын, старший лейтенант 380 стрелкового полка Клещёв Лев Григорьевич пал смертью храбрых в бою 24 февраля 1943 года и похоронен на дивизионном кладбище д. Брагино под Старой Руссой»...

Глядела мать на бумагу, отнявшую сына, а перед глазами проплывали картины счастливого прошлого: вот он, знакомясь, протягивает руку новой маме, совсем, как взрослый... Вот он идёт в школу... вот он приехал после училища... Вот дарит ей отрез на платье на именины... Ночами рыдала в подушку, а днём каменела лицом. Вспоминая, как Григорий любил сына, тихо радовалась, что не дожил он до смерти сына, умер до войны. Ей иной раз тоже хотелось лечь и умереть, чтобы не чувствовать пронзительный холод одиночества после гибели сына. Но она была обязана жить, ведь у неё на руках оставалась Лёвушкина дочка Вика, а ей шесть лет всего, не понимает еще, что папа не приедет больше. Наверное, ещё и забота о внучке помогла ей пережить своё страшное горе.

За сына ей была назначена пенсия. Внучке оказывали материальную помощь (одеждой и продуктами), как дочери погибшего офицера. После войны часто давали путёвки в пионерские лагеря. А потом внучка закончила школу и уехала. И как будто лопнул тот стержень, который держал мать на этой земле. Жить одной в доме, где жила вместе с сыном, растила его дочку, стало невозможно. Отдала дом внуку Геннадию, сыну дочери Екатерины, а сама ушла жить к другой дочери, Акулине Логиновой. Та была человеком добрейшей души. Вела себя с ней так, как другой с родной матерью себя не ведёт. Да что говорить, все девчонки к ней из-за Льва как к родной маменьке относились. И она к ним так же.

Прожив ещё немного, Федосья Митрофановна тихо ушла из жизни в 1962 году на 98-м году жизни, до конца исполнив свой долг перед мужем, перед сыном и перед Богом. Похоронена на кладбище села Долговки.

Уже в наше время, в 2010 году были более полно установлены последние дни жизни Льва Григорьевича Клещёва.

Из последнего письма мы знаем, что Л. Клещёв уходил с трудным заданием в разведку за линию фронта. Задание, видимо, разведчики выполнили. Во всяком случае, Лев с него благополучно вернулся. К тому времени он уже был членом ВКП(б), и, видимо, где-то в середине февраля 1943 года, возможно, сразу после возвращения с задания, лейтенанту Клещёву было присвоено очередное звание и он был назначен замполитом 9 стрелковой роты 3 батальона 380 стрелкового полка. 23 февраля 1943 года наши войска предприняли очередную попытку перерезать Рамушевский коридор. Начались жестокие бои, в одном из которых, 24 февраля, старший лейтенант Лев Григорьевич Клещёв пал смертью храбрых. Был похоронен на дивизионном кладбище в д. Брагино Старорусского района Новгородской области.

В настоящее время в Долговке проживает его дочь, Калюкина Виктория Львовна.

Мать

*В душе ее хранится вера,
Что сын вернется в отчий дом.
Огню надежды есть ли мера?
К ней сын приходит в каждый сон.*

*Войны то пламя уж погасло,
И много пролетело лет.
Но сына вспоминает часто:
Когда готовит свой обед,*

*Когда с соседкой обсуждает
Букет последних новостей,
Когда рассаду поливает,
Снимает яблоки с ветвей.*

*Надежда сразу нарастает
И в те моменты, если вдруг
Увидит, как паук спускает
Себя по нити в миски круг.*

*Так сына ждет она родного,
Всегда в улыбке видно грусть,
Хоть ей известно – дорогого
Сыночка больше не вернуть.*

*...Вдали опять орудья били,
Сон прогоняя от людей.
Какие ж матери родили
Таких любителей смертей?!*

*У матери душа страдает,
Без раны в сердце нет ни дня –
Как будто сын ее шагает
Все время в пламени огня.*

(Г. Сагиров)

А. Тюнькин. Мать

ЛОГИНОВА МАРФА НИКОЛАЕВНА

«А сын её всё где-то на войне...»

Русских женщин жизнь не щадила никогда и, проверяя их на прочность, только подбрасывала им трудностей побольше. Вот и Марфе Николаевне досталось с лихвой испытать свою долю из горькой чаши жизни.

Родилась Марфа Николаевна в долговской зажиточной семье в 1899 году. Мама её была родом из соседней деревни Сорокиной, девичья фамилия – Гладышева, звали её Анна Ивановна. Отец – Николай Викторович, 1876 года рождения, был из семьи первопоселенцев села.

Кроме Марфы у родителей было ещё двое сыновей, но она – старшая из детей. Быстро промелькнуло короткое, трудовое деревенское детство. Ей приходилось водиться с младшими братишками и приглядывать за хозяйством, пока родители трудились в поле.

В 1917 году Марфу выдают замуж в богатую семью местных скотопромышленников Черепановых. Через год рождается сыночек Петенька, мамина радость.

На сложное и трудное время пришлась молодость Марфы. В стране во всех слоях общества происходят коренные изменения, уходит в прошлое старый и доселе казавшийся неизменным привычный уклад жизни. Круговерть эта захлестнула и наше село. Всё смешалось: буржуи, кулаки, беднота, классовая борьба... Все стояли перед выбором, к какой стороне примкнуть. Впрочем, для её мужа выбор был вполне очевиден. Во время Гражданской войны он вступил в ряды Белой армии, и в одном из боёв погиб.

Тогда в стране свирепствовала не только война, но и болезни: тиф, холера, оспа... Марфа Николаевна свалилась с тифом, но ей повезло выжить. И с болью узнать о том, что пока она болела, её радость и кровиночка Петенька умер от скарлатины. Была семья, а осталась одна...

После гибели мужа и смерти сына ничто не держало её у Черепановых, и она вернулась к родителям. К этому времени умер от болезни младший брат Андрей, скончался от тифа отец. Мать, бабушка и брат Алёша жили одни. Так что лишними её руки в хозяйстве не будут.

Второй раз Марфа Николаевна вышла замуж в конце 1922 года. Вторым мужем – Логинов Константин Степанович был постарше ей на 5 лет, успел повоевать и с немцами, и в Гражданской поучаствовать. Родом он был из деревни Назаровки, которая находилась в 8 км от Долговки. По характеру был человеком обстоятельным, скуповатым на доброе слово, не особо разговорчивым. Он тоже был вдовцом, жена его умерла от холеры, пока он воевал, остался маленький сын. Привёл Константин новую жену в дом и познакомил её со своим шестилетним сыном, Павликом. Мальчик стоял перед ней, опустив голову, глядя чуть исподлобья синими, как весенние озёра, отцовскими глазами. Изголодалось сердце женщины по детям и показалось ей вдруг, что это её Петенька перед нею стоит. Потянулась душа к маленькому мальчику, волею судьбы оставшемуся без матери. Видя её такой, оттаял и Павлик, всем своим сердцем привязавшийся к новой маме. Потом, конечно, у Константина и Марфы народились общие дети. Но Павел как будто бы заполнил ту нишу, которая осталась после смерти Петеньки. Родила Марфа мужу ещё четверых: сыновей Александра, Николая, Валентина и дочь Нину. Работали они с мужем в Долговке, а жили в Назаровке со свекровью.

Муж, как отец, был строгим и требовательным к детям, не терпел обмана и лени, был авторитетом для них во всём. Впрочем, таким он был и по отношению к другим членам семьи. Марфе повезло: свекровь её, Наталья Фёдоровна, была хозяйственная, умная и добрая. Сноху не обижала, жалела по-женски (ох, и непростой характер у её сына!), внуков любила и даже баловала, чуть выделяя Павла из всех.

Дети росли, у каждого выявлялся свой, особенный характер. Паша был самым серьёзным из всех. Всё делал обстоятельно, любое дело доводил до конца. Даже самую скучную и тяжёлую работу умел делать с душой, выкладываясь полностью. Первый мамин помощник во всём. Шура был не по годам спокойным, любил, чтобы всё было по справедливости, хотя и поозорничать был тоже не прочь. Но ему далеко было до Кольши, который был первым задирой и забиякой. Везде, в любых драках и проделках был он впереди всех, и чаще всего от отца доставалось именно ему. Валя с Ниной были ещё маленькие, старшие их обижали, и Паша то и дело защищал младших от этих двух непосед. Однажды произошёл такой случай.

На полке у матери в укромном месте был запрятан изюм для праздничной сдобы и другого разного случая. Жили ведь небогато, в стране свирепствовал голод, любая копейка была на счету. Нет, конечно, не

голодали, но и хвастаться особо было нечем. Так вот, подросшие ребятки, в первую очередь, конечно, хулиганистый Коля, в отсутствии отца и матери (бабушка в это время управлялась по хозяйству, а Паша был в школе), это лакомство обнаружили. Конфет, пряников они и не видали, и обнаруженный изюм был для них роскошным кладом. Коля, как обнаруживший сей «клад», объявил себя кладовщиком и выдавал всем по горсточке. Ах, как вкусен и сладок был этот запретный плод, как восхитительно липкими были пальцы от него! За этим приятным занятием их и застал вернувшийся с работы отец. И видя, как наливается тяжестью его взгляд, все сразу поняли, что сурового наказания не избежать... Досталось тогда всем, что называется, «от пуза», ну а «кладовщику», как всегда, больше всех.

В 1936 году семья перебралась из Назаровки в Долговку. Дело в том, что оба там работали, да и детям нужно было дальше учиться, а в Назаровке – только начальная школа. В это время муж работал учителем труда в школе колхозной молодёжи (ШКМ), являясь ещё и секретарём партячейки. Сама Марфа работала в детском доме швей. Жизнь шла своим чередом. Росли дети, все ходили в школу, Паша отслужил срочную службу, работал в колхозе «Красный Урал» трактористом.

Времена были сложные. По всей стране то и дело находили каких-то врагов народа, кого расстреливали, кого гнали в лагеря. За малейшую провинность сейчас или в прошлом грозила серьёзная кара. Марфа боялась за мужа, тихо ворчала, что заступается он за всех перед милицией и партийными начальниками, самые нелепые доносы на односельчан просто рвёт и всё, не докладывает выше, а случись что, кто решится заступиться за него самого? Но всё-таки надеялась, что, может, обойдётся. Не обошлось.

Хорошо, что не узнали, что доносы он уничтожал, а то припаяли бы по полной. Но выплыло, что в Гражданскую войну муж некоторое время служил в армии Колчака. Нашли и однополчан по 5 Сибирскому полку. Но то большое уважение, которым пользовался муж в селе, сыграло свою роль. Нашлись люди, с помощью которых Константину Логинову удалось доказать, что в колчаковский полк его записали против воли, в боевых действиях он участие не принимал, так как болел тифом, а попав на фронт, сразу же, в первую ночь перешёл к красным. В НКВД поверили, но из партии всё-таки исключили. Марфа вздохнула спокойнее, слава богу, пронесло. А партия, на что она, люди не партийные живут, и ничего, не хуже других. Но после этого муж ушёл из школы и устроился в детдом завхозом.

Только одну беду избыли, следом за ней пришла другая. В 1939 году началась война с финнами. И Павла снова призвали в армию. Опять провожала его мать, теперь уже на войну. Сердце сжималось в какой-то обречённой тоске. Отец слезы не проронил, только руку на плечо Павла положил. Служи, говорит, сын, нашу породу не позорь. Призвали их тогда около 17 человек, и отправили в Карелию, в леса и болота. Всю войну прошёл Павел, ни разу не был ранен и весной 1940 года вернулся живым и невредимым домой. Встал в дверях, перетянутый ремнями, высокий, статный военный, глядя на всех умными, пронизательными, чуть усталыми, глазами. Обнял крепко отца, маму, бабушку, сграбастал в охапку подросших братьевъёв. Расцеловал с визгом кинувшуюся к нему сестрёнку. Смотрела на него Марфа сияющими помолодевшими глазами, и постепенно разжималась стальная пружина, державшая сердце всё то время, пока Павел воевал.

Осенью 1940 года Павел начал работать в Долговской школе учителем физкультуры и военного дела. В этот же год Шура закончил школу и пошёл учиться в Куртамыш в педучилище на учителя математики. Колька, беспрестанно оставаясь на второй год по причине полной безалаберности, ещё учился в школе. Вроде всё опять наладилось. Марфа мечтала, что теперь старший сын женится, ведь ему уже 24, давно пора семью иметь. Пробовала заикаться об этом в разговоре с мужем, но тот только глянул сердито, не нашёл ещё подходящую невесту для Павла, надо ведь, чтоб никаких изъянов ни в чём у девки не было. Вздохнула только Марфа, разве переспоришь мужа. Да и Павел изменился после войны. Замечала мать не раз, как хмурится он, читая газеты, и тень чего-то страшного и чужого мелькает в горячо любимых глазах. Но почувствовав её взгляд, сын поднимает голову, бережно гладит её сухие руки и на время тень теряется в тёплой нежной улыбке...

Было от чего тревожиться Павлу. Война уже подбиралась к границам страны. Уже охвачены коричневой чумой все страны Европы. Война не за горами.

22 июня 1941 года она началась. Немецко-фашистские захватчики вторглись на нашу землю. На второй день войны прискакал из Куртамыша посыльный и привёз первые повестки. Сразу из сельсовета забрали около тридцати человек. Брали самых здоровых, 1906 – 1918 года рождения. Павел по всем статьям подходил под этот указ. Но в первый день его не взяли. Очередь воевать подошла ему 21 июля. Он самым первым из семьи уходил на войну. Последним ли? Рыдала над ним мама. Благословляла,

роня слёзы, бабушка. Обнимал, прощаясь, отец. А сам Павел был серьёзен и задумчив. Перед уходом он обвёл стены дома взглядом, запечатлевая их в памяти. Постоял, а потом вдруг медленно стал снимать с запястья часы. Мать со страхом наблюдала за ним. Зачем он снимает часы? Паша сам говорил ей, что считает их своим талисманом, потому что они его берегли во всех поездках, и Финскую он прошел в них, ни разу его не ранило. Так что же, что же происходит? Сын снял часы, сделал несколько шагов, повесил их на гвоздик у окна и глухо сказал: «Оставляю вам эти часы на память обо мне. Они мне больше никогда не понадобятся. Потому что с этой войны я не вернусь. Прощайте все...»

Мать в каком-то странном оцепенении слушала, что говорит сын, как он уходит, уходит. Ушёл...

Вслед за Павлом, в январе 1942 года ушёл на фронт муж. Через месяц - Александр, в мае 1943 - Николай. Осталась Марфа Николаевна с двумя несовершеннолетними детьми на руках. Сама в войну работала в швейной мастерской, шила для фронта рукавицы, фуфайки, шинели. Ждала с нетерпением своих мужчин с войны. И если муж и два младших сына всё-таки писали домой, то от Павла с начала войны не пришло ни строчки. Официально ничего не было известно. Но свекровь, Наталья Фёдоровна, обладала знанием тайным, как говорили в деревне, была «знаткой». Она и оплакивала своего любимого старшего внука, говоря, что Паше выпала страшная участь: он заживо сгорел в танке... Тяжело было сердцу, а всё же жила надежда, что жив сын, а бабушка со своим предвидением, может, ошиблась. Может, горел, но жив остался, где-то в госпитале, откликнется со временем. Но взгляд падал на часы, оставленные Пашей, и страх липкими лапками сжимал сердце.

Боялась и за младших. Саша, он ведь такой, он отсиживаться не будет, за чужими спинами не спрячется, скорее, сам вперёд пойдёт. Когда узнала, что воюет он в Сталинграде, так сердце кровью облилось. Но выжил, слава богу, ранен был, правда. Потом на Украине снова был ранен, в Иркутске в госпитале долго лежал, письма оттуда слал, у меня, мама, всё хорошо. Чуть не полгода лежал, уж прямо хорошо, не держат в тылу так долго, коли всё хорошо. А с другой стороны, подальше от фронта и так долго, тоже неплохо, больше шансов живому остаться.

А бесшабашный Коля, он так и норовит всегда вперёд вылезть. Шофёром он служит в танковой бригаде, танки, пишет, заправляю прямо в бою, боеприпасы подвожу. Под Курском за такое дело ему медаль «За отвагу»

дали. Фотокарточку присылал, улыбается на ней, как будто войны нет. Не бережёт себя совсем, сам под пули лезет, лихой.

В 1945 году окончилась война. К концу года с войны пришёл муж и сразу стал слать запросы в разные инстанции, чтобы узнать хоть что-то о судьбе своего сына, старшего сержанта Советской Армии Логинова Павла Константиновича. На все запросы пришёл один и тот же ответ: ни в списках живых, ни в списках мёртвых не значится – пропал без вести около февраля 1942 года в боях под Ленинградом...

В 1947 вернулся домой Александр в звании младшего лейтенанта, в 1948 – Николай при медалях и орденах. Вернулись трое солдат, а старший, самый лучший, так и остался где-то на войне.

Позднее Николай часто повторял: «Самым лучшим из нас был брат Павел. Мы, конечно, тоже каждый со своими достоинствами: и Саша у нас справедливый, и Валентин – умница, и у меня руки откуда надо растут. Но Павел всеми этими качествами обладал, и был лучшим среди нас».

До конца жизни жалела мать о гибели Павла. Часто вспоминала, как бережно брал он её натруженные руки в свои, большие и надёжные, и, глядя ей в глаза, говорил: «Ты на тех деток не надейся и ничего не бойся, мама, я тебя в старости допою и докормлю...»

В начале 60-х годов Марфа Николаевна тяжело заболела: сказались годы утрат и волнений, смерть Петеньки, гибель на войне единственного, горячо любимого брата Алексея и старшего сыночка Пашеньки.

Она умерла в 1967 году на 68 году жизни. Похоронена на сельском кладбище села Долговки. Рядом с ней лежат её муж и трое младших сыновей. Где сложил свою голову Павел, до сих пор неизвестно.

Сердце материнское...

*На родном крылеченьке,
с болью ледяной,
ждёт меня, кровинушку
матушка домой.
Сердце зря надеется-
матери не верится,
что давно засыпан я
ох, сырой землёй.*

*Ты не плачь, родимая,
полно, не грусти.
Боль свою сердечную
напрочь отпусти.
Пусть она соловушкой
вьётся над головушкой-
радуй сердце песнею,
а меня прости*

*За печаль- кручинушку,
за сердечный стон,
горе материнское,
и судьбы излом -
на чужой сторонкушке
я сложил головушку
за сторонку отчую,
где над речкой дом.*

*Ночь проснувшись,
зоренькой разбудила тишь.
Даль в глаза въедается,
а ты всё глядишь:
вдруг меня дороженька
приведёт к пороженьку...
Сердцу материнскому
ждать не запретишь.*

Валентина Землевская

ЛОГИНОВСКИХ ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВНА

«Мать ждала для сына лёгкой доли...»

Екатерина – самая младшая из сестёр Пеньковских и её, как и Анну с Антониной, не пожалела война. Да и жизнь, так хорошо начавшись, казалось, норовила пнуть куда побольнее.

Родилась Екатерина Васильевна в дружной крестьянской семье в 1902 году. Замуж вышла уже после Гражданской войны. Муж ей попался грамотный, спокойный и умный. Звали его Логиновский Григорий Ефимович, был он чуть постарше её, с 1899 года. Успел повоевать в Красной Армии, среди односельчан пользовался уважением. Подряд, одного за другим, родила Катя мужу двух детей, дочку и сына – Тоню и Костю. А больше деток бог не дал.

В 1929 году, когда в деревне, в их Старом краю образовался колхоз «Красный Урал», её Григорий Ефимович был единодушно выбран председателем. Сначала Катя гордилась этим, но видя, как муж день и ночь пропадает на колхозных полях, ферме, в правлении, и при этом приходит за полночь мрачнее тучи, готова была проклясть этот колхоз. А мрачнеть было от чего. Многие были недовольны тем, что председатель заставляет выкладываться на общественном поле, наказывает прогульщиков и пьяниц. Не делает разницы между теми, кто кровь проливал за Советскую власть, а кто в тылу отсиживался, белым кланялся, а теперь влез в колхоз. В это время как раз велась борьба с кулачеством, активно шла коллективизация, борьба с саботажем. И способность Григория Ефимовича гасить нарождавшиеся конфликты миром, его умение не развивать вражду и хозяйственная жилка, непримиримость к лентяям быстро были расценены воинствующими активистами как пособничество кулакам, и из председателей колхоза его убрали, пригрозив ещё и раскулачить.

Обидно было Григорию, хотел, как лучше, а что получилось? Остаться в селе после такого отношения к себе он не захотел и увёз семью в Копейск. Катерине тоже было обидно за мужа, но уезжать из села не хотелось. Всё думала, вот если бы Анна не уехали, наверное, Василий смог бы заступиться

за Гришу. Но опять обрывала себя, что она, зятя не знает, да он первый бы отправил их куда подальше, на Урал или в Сибирь, и дальше спокойно спал.

На чужой сторонке как-то не прижились они, и в конце 30-х всё равно вернулись домой. Старая история подзабылась, Григорий пошёл работать в колхоз, относился к работе старательно, ответственно, как и ко всему, что он делал.

Подросли дети. Дочка Тоня была спокойной, работающей девушкой, первая помощница мамы в доме. Но сын часто ставил Катерину в тупик. Ну в кого только он таким уродился? Внешне копия отца: росточка небольшого, светловолосый, подвижный такой. Но жалуются соседи, то один, то другой. Всех проделок организатор её сын и дома, и в школе. Хулиган и задира. Учится так себе, вот снова остался на второй год. Опять переживание матери. При всём этом парнишка смелый, весёлый, отзывчивый и добрый. Всё дома делает быстро, только пятки мелькают.

Так, за делами и заботами шла жизнь. А поступь тяжёлых испытаний уже слышалась у порога дома...

В воскресенье, 22 июня 1941 года, на рассвете враги напали на нашу Родину. На другой день в деревне собирали первый обоз на фронт. С их улицы тогда Дружинина Ивана забрали, Данила Дмитриева, Петра Савина. Да сколько фроловских, тележенских, долговских всего-то! Ну сначала думала, если быстро закончится, так может, Григорий на войну не попадёт, уж года ему, пятый десяток пошёл, а Костя ещё небольшой, ещё 16-ти нет. Авось, обойдётся. Пока переживала за Анну, у которой Яков в армии служит, вот его, в сороковом призвали, осенью.

С началом войны Костя учиться не стал, пошёл работать в колхоз с отцом, а Катерина тоже устроилась на работу, почтальоном. Но когда пошли похоронки, одна за другой, одна за другой, иногда не по одной в день, тяжело стало Катерине. Она, такая жалостливая, с каждым наревется, навоется, это сколь же нервов надо. Потому и ушла с почты и устроилась в детском доме няней.

А война катилась дальше, набирая обороты. Пришёл день, когда принесли её Григорию повестку явиться в военкомат с вещами. Ой, как страшно стало Катерине: всю жизнь она за мужчиной спиной прожила. Какое решение принять, когда что делать, - всё Гриша. Как же теперь жить без Гриши-то?! А куда деваться, собрала мужа, поплакала на плече, повыла, провожая. Опустошённая, пришла домой, ощущением, как будто часть души увёз её Григорий с собой на фронт.

Писем не было долго. А потом пришло письмо и денежный перевод. Муж писал, что воюет под Москвой: «Я сейчас связистом, получил вот получку, 40 рублей. Я посылаю тебе, Катя, эти сорок рублей, сходи на базар, да купи хоть арбуз себе в память обо мне. А больше ничего на эти деньги и не купишь. Ешь и вспоминай меня, и молись за меня...»

Перевод Катерина получила, пришли деньги ей с фронта. А вот муж не пришёл, пропал где-то без вести в начале 1943 года. Пока на бумагу смотрела, вроде верила ей. А с глаз уберёт – сразу мысли, а вдруг... Вдруг не убили, раненый где-то в госпитале лежит, или в другую часть попал. И надежда всё равно теплилась в ней, несмотря ни на что. Конечно, в жизни у неё с Григорием всякое бывало, и жизнь никогда ей мёдом не казалась, а всё же такого, как её Гриша, больше нет. Вообще, сознание зацепилось за фразу: «Ни среди живых, ни среди мёртвых не значитя». Раз среди мёртвых не значитя, значит, она будет ждать.

А ещё она ждала, чтобы война эта проклятая закончилась. Потому что 16 – 17-летние девчонки, такие, как её Тоня, сели вместо мужиков на трактора и комбайны, а разве это девичья работа? Потому что подходит у сына призывной возраст и его могут взять на войну. А сейчас и 17-летних забирают. Вон Кольку Логинова, приятеля по проделкам, ещё зимой забрали, в 17 лет. Вот и чувствовала Катерина, и Косте скоро срок...

Наступил май 1943 года. Чёрный май. В этот месяц взяли у матери сына на войну. В повестке была указана дата, когда надо явиться в военкомат: 12 мая 1943 года. Этот день стал первым в череде бесконечных бессонных дней и ночей...

Воевал Костя в пехоте. Писать он никогда ни мастером, ни охотником не был. Но маме писать обещал. И одного письма мама Катя всё же дождалась. Было оно написано на серой обёрточной бумаге неровным, рваным почерком её сына:

«Здесь у нас бумаги нет, писать не на чем... Идём сейчас вперёд и вперёд, и бьём немцев не хуже, чем наши отцы их били. Мама, я приеду, как только немцев разобьём... Скоро снова в бой. Ждите письма. Если вернусь из боя, ждите – напишу. А не вернусь, значит, на этом моя жизнь и закончилась...»

Ждала мама от сына второго письма, а вместо неё получила страшную серую бумагу. В ней безликими, неживыми словами было написано, что её весёлый жизнерадостный сын умер в госпитале от тяжёлых ран 24 января 1944 года и похоронен в Белоруссии в Витебской области...

Бумага выпала из рук, а земля, такая всегда надёжная, вдруг закачалась под ногами, и расплылись очертания предметов в глазах. Билась в припадке горя мать, выла от нахлынувшей волны боли и одиночества.

Прожила Екатерина Васильевна большую жизнь, как и все её сёстры. До последнего часа была у неё ясная память, всё она помнила, всё хранила в себе. И светлые образы мужа и сына, не вернувшихся с войны, тоже.

Ей было 93 года, когда она умерла, окружённая любящими внуками и правнуками. Похоронена в селе Долговке на сельском кладбище.

* * *

*Жена похоронит мужа –
Листья уронит осина.
Горько вдова заплачет:
Надо растить сирот.*

*А мать похоронит сына –
Останется матерью сына.
Прозванья для этой скорби
Не отыскал народ.*

(Л. Лавлинский)

К. Васильев. Прощание славянки

ПЕРЕЖЕГИНА НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА

«Материнская доля – сыновей провожать...»

Как много бед и испытаний выпало на долю русских матерей 20 века! Не щадила их жизнь ни в молодости, ни в старости. Одна из таких женщин - жительница села Долговки Пережегина Наталья Ивановна.

Не всегда Наталья Ивановна жила в Долговке. Она родилась в соседнем селе Пепелино в 1873 году. Девичья фамилия её – Благинина. Быстро прошло деревенское, босоное детство и постепенно Наташа превратилась в небольшую, но очень красивую и стройную девушку, с лёгким, уживчивым характером, добрую, работающую. Многие парни села заглядывались на неё. Но высватали её в волостное село Долговское за Пережегина Фёдора. Был Фёдор высоким, здоровым парнем, невеста не доставала ему и до плеча. Сыграли свадьбу зимой 1894 года, и молодые стали жить вместе с родителями мужа.

Наталья Ивановна родила мужу много детей, из них выжило шестеро: пять сыновей: Илья, Никандр, Егор, Дмитрий, Николай и дочь Ольга.

Быстро летело время. Незаметно, за работой и заботами ушла из Натальи девичья красота. Зато поднялись сыновья, все один в один: высокие и плечистые, в отца. Удивлялись в селе: такая кнопочка Наталья Пережегина, а каких сыновей-богатырей нарожала! Позднее старшие переженились все, повзрослела и вышла замуж Ольга. Илья, Никандр и Егор уехали жить в село Жуково. С матерью остались лишь младшие дети. В 1930 женился Дмитрий, на другой год – Николай.

Были они разными, совсем не похожими друг на друга. Нет, внешне оба были одинаково похожи на отца, а вот характерами... Дмитрий был, и в кого такой! – вспыльчивый, как говорят в деревне, здряшной. И не дурак, и умным язык не поворачивается назвать. Но жена попалась ему хорошая. Прасковья была женщина спокойная, умная, работающая и с мужем умела обращаться. Без ругани не обходилось, конечно, но всё равно, неплохо жили.

В семье Дмитрия подрастало три дочки, Шура, Фая и Машенька. Всех внучек бабушка любила, сноху привечала. Глядя на Митю, вздыхала, осуждая его за то, что обижает жену, но... тоже любила, сын ведь он, какой бы ни был.

Зато Коля радовал и отца, и мать. Спокойный, выдержанный, серьёзный был характер у младшего сына. Только вот жену привёл – глаза бы у матери на неё не глядели. Пепелинская она тоже, и тоже Натальей зовут, и тоже маленькая она. Но на этом сходство и закончилось. Какая-то недалёкая у неё сноха, глупенькая и тоже – здряшнёнькая. Нет, мать, конечно, старалась скрыть от сына своё недовольство, но отец, тот с открытой неприязнью отзывался о снохе, не единожды говорил: «Поменять бы снох-то местами: Коле бы умную Прасковью, а Митьке-дураку и эта сойдёт, два сапога пара». Но Николай жену любил, прощал все её недостатки, смеялся над родительскими страхами. В 1932 году у него родился сын Ефимка, и внук более или менее примирил родителей Николая со снохой.

В 1934 году Николай уходит на срочную службу в Красную Армию и принимает решение остаться служить дальше. Он закончил военное пехотное училище и пока учился, его семья оставалась дома. С 1940 года его направили служить в военную часть, расположенную вблизи новой линии границы в Прибалтике, в должности командира взвода 741 стрелкового полка. Николай приехал в село, забрал семью, попрощался с родителями и уехал к новому месту службы. Провожала мать сына и не знала, что видит его в последний раз.

22 июня 1941 года началась война. Как только об этом узнала Наталья, содрогнулось сердце: «Господи, а как же Коля?!» Мрачен был и муж: сын служит на западной границе, а значит, он уже на войне. Как бы долго не продлилась она, а сын уже воюет, ещё никого не взяли из села, а Коля уже... Дня не проходило, чтобы ни молила мать бога сохранить жизнь сына. Наконец, от Николая пришло долгожданное письмо. Он сообщал, что бои идут жестокие, что последний раз видел жену и сына на рассвете 22 июня и ничего больше не знает об их судьбе... Потом пришло ещё два письма. В каждом из них он спрашивал родителей, известно ли что-либо им о судьбе его семьи. Что могла ему ответить мать, ничего им не было известно ни о Наталье, которая была беременна вторым ребёнком, ни о внуке Ефиме.

Потом одного за другим забрали на фронт старших сыновей, 28 июня взяли Дмитрия, потом Егора и Никандра. Переживала Наталья за своих мальчишек. Это ведь для окружающих они – здоровые, состоявшиеся мужики с семьями, а для неё они – дети, которых она выносила в себе, сама вынянчила,

вырастила. С улыбкой вспоминались их детские проказы, с тревогой смотрела на фотокарточки и молилась перед ними, как перед иконами.

Вскоре к переживаниям за Колю прибавилось и беспокойство за Митю. Совсем не шлёт писем, ни родителям, ни жене. Где, что случилось, одни догадки. А в село похоронки пошли, кто без вести пропал, кого убили. Перестали приходить письма и от Коли. От волнений и тревог начали болеть у Натальи ноги, встаёшь утром, и не можешь ими шевельнуть, как не свои, ноги-то...

И вот однажды, морозным январским утром 1943 года, сразу после Рождества, открылась входная дверь и в избу вошла женщина с детьми, закутанные до самых бровей. Скинула женщина платок, и увидели Наталья с Фёдором... сноху Наташу, с почужевшим, измождённым лицом. Уткнулся в руки деда Ефимка. Заплакала маленькая девчушка, оказавшись тут же на руках бабушки.

Мгновенно облетела всё село весть о возвращении снохи Фёдора Пережегина. Собрались в их небольшом доме женщины, и рассказывала Наташа людям о том, как шла она по дорогам, разбитым войной, пряталась от бомбёжек и от вражеских танков, видела, как гибнут дети и солдаты под бомбами. И как захватили их немцы, и жила она в немецком лагере, как бежала оттуда. Как вели их партизаны к линии фронта лесами и оврагами по земле, захваченной врагом. Как допрашивали её потом в НКВД и как вернулась она домой. Рассказывала и не могла сдержать слёз. А уж женщины, те и подавно. А мать интересовало только одно, когда Коленку видела Наташа в последний раз. Та рассказала ей, что жили они в гражданском посёлке на берегу реки, а часть, где служил муж, стояла на другом берегу. В неё можно было попасть, перейдя мост. В последнюю субботу, 21 июня, как обычно, муж вернулся домой вечером. А на рассвете утром прибежал к нему вестовой из части. На лице – тревога. Муж быстро встал, оделся, поцеловал её и выскочил из дома. Испуганная, Наташа выскочила следом. Последнее, что видела она, как бежит через мосток её Коля, придерживая рукой полевую сумку. Больше она его не видела... К тому времени и родителям от Коли писем уже давно не было, и Наташа боялась, что, возможно, мужа уже нет в живых. Но мать не верила в это, и продолжала ждать. Несмотря ни на что, вопреки всему. Изредка писали Егор с Никандром, воюют, ждите, вернёмся.

Окончилась война и с победой встретила мама своих старших сыновей. А двое младших так и не пришли. После войны слал отец запросы везде, и в

1948 году из военкомата пришло две казённые бумаги: одна на Митю, а вторая на Колю. Написано было в первой, что рядовой Пережегин Дмитрий Фёдорович пропал без вести под Смоленском в сентябре 1941 года. Вторая бумага сообщила, что младший лейтенант, командир взвода 741 стрелкового полка, кадровый военный с 1935 года Пережегин Николай Фёдорович пропал без вести в 1941 году.

Выдержать эти чёрные вести мать не смогла: в том же году её парализовало. Потом заболел отец, слёг, и его забрала к себе Прасковья, вдова Дмитрия. Мать осталась жить с Натальей, вдовой Николая. В 1959 году умер муж, Фёдор Семёнович, и Прасковья перевезла мать к себе. Высохла Наталья Ивановна за годы болезни, передумала много горьких дум за столько-то лет. Летели за днями дни, за годом год, а Наталья Ивановна всё лежала и вспоминала то время, когда её дети были рядом, когда все были живы и счастливы. Всё же сердцем она так и не смирилась с потерей сыновей, хотя и получала пенсию по погибшим.

12 лет Наталья Ивановна пролежала парализованная. Умерла в 1960 году в возрасте 87-и лет. Похоронена на сельском кладбище села Долговки.

* * *

Дмитрий

Мать солдата плакала во сне...
Знала, что беда одна не ходит.
И хотя держалась при народе –
Знала – сын загинул на войне.
Сообщила ей о факте том
Чёткая казённая бумага,
Что валялась рваным чёрным флагом
У избы под ягодным кустом.
Снился изнуряющий покос,
Плечи мужа, влажные от пота,
И валков пахучая дурнота,
И сынок, что квас в лагушке нёс.
И она ему сквозь мрак дорог,
Судорожно скомкав одеяло,
Закричала: «Карточки, сынок,
Хлебные я нынче потеряла!»
Ничего, накроешь что-нито,
Поскрипишь знакомой с детства дверью,
А в бумажку ту, что под кустом,
Сколько буду жить я – не поверю.
Ты зашёл бы в дом, да и прилёг,
Отдохнул с покоса, как когда-то...
А в окно стучался мотылёк,
Как душа погибшего солдата.
Горше горя русских матерей
Не было на свете злее злого,
Ни с того ли у родных дверей
Слабую надеждою – подкова.

(В. Филимонов)

ПОЛЕТАЕВА АННА ПРОХОРОВНА

«Всё единою болью болит...»

Анна Прохоровна родилась 28 августа 1903 года в селе Долговке в большой крестьянской семье. Отца звали Прохор Фёдорович, он был с 1856 года. Мать – Наталья Петровна – была ровно на 10 лет младше мужа. Детей в семье было семеро. Анна – пятая. Семья была небогатая.

Замуж Анна вышла в 1922 году за Михаила Фёдоровича Полетаева. Муж был постарше Анны на год, тоже – из большой семьи. Там и вовсе детей девять человек было. До неё Михаил был женат на Анне Пережегиной, но они расторгли брак в 1921 году. Детей у них не было.

Анна Прохоровна родила мужу шестерых детей. Первый из них – Саша – родился в декабре 1923 года. А за ним, как грибы после дождя, появились Дмитрий, Нина, Николай, Виталий и Юрий. Оба с мужем они работали в колхозе «Совет». Муж был грамотным, и в колхозе был агрономом. Жили с семьёй в Шигони (ныне улица Береговая – примеч. сост.). Дом был сделан на две половины: в первой половине жил Михаил с семьёй, а во второй – семья брата Михаила, Василия.

Анна Прохоровна не была особо обучена грамоте, только на курсах ликбеза выучилась потом читать и писать. Зато была заботливой хозяйкой, нежной матерью и преданной женой. Жили они дружно. Дети подрастали, учились. Саша вступил в комсомол, чем немало огорчил мать, но отец поддержал сына.

Только Саша закончил школу, как началась война. Он сразу пошёл работать в колхоз. Осенью Михаила Полетаева взяли на фронт. Плакала Анна, провожая мужа, как будто сердце её чужло беду. Через несколько месяцев, 1 февраля 1942 года в армию забрали сына Александра. Ох, и попласталась мать на груди у сына! А делать нечего. Ушёл и он вслед за отцом. Рвался на фронт и Дмитрий. А как иначе? Они с Сашей – не разлей вода, везде вместе, хоть на работу, хоть на гулянье. Но возрастом пока не вышел, 16 годков

всего. Поэтому работал, как и сама Анна, как сестра Нина и брат Коля, в колхозе.

Анна Прохоровна в войну спознала все колхозные работы. Рано утром, чуть свет вставала она и уходила из дома. Поля в колхозе были далеко, за 10-15 км от села, пока доберёшься. Поля эти она и пахала на своей корове, и сеяла, и убирала вручную хлеб, и косила сено. Зимой ходила за скотом на ферме, пилила в деляне дрова. Всё, что нужно колхозу, делала своими натруженными женскими руками. Придёт домой затемно, дети уже спят. Коля работал прицепщиком и часто оставался ночевать в бригаде, чуть не жил там. И ждала, каждый день со страхом и надеждой ждала вестей с войны. Ведь многим соседям уже пришли похоронки на детей, на мужей...

Не обошло такое извещение и дом Полетаевых. Анна дрожащими руками развернула бумагу. В ней было написано, что её муж, Полетаев Михаил Фёдорович, рядовой 165 стрелковой дивизии пропал без вести в июне 1942 года. Она бессильно уронила голову на руки и зарыдала. Как жить теперь без Михаила, как поднимать эту ораву детей?

И вдруг через месяц она получила письмо ... от мужа. Сначала глазам своим не поверила: может запоздало? Глянула на конверт: нет, октябрь 42-го... Такая радость вдруг захлестнула Анну: живой! Её Миша живой! Обманула похоронка. Весть эта тут же облетела соседей, и подала надежду многим, у кого родные пропали на войне.

Не успела осесть радость, как Митя огорошил вестью. Он, оказывается, ездил в военкомат, и выпросился на фронт. Повестка – на 21 января. У матери опустились руки, ведь в октябре только Мите исполнилось 17! Как она на площади не упала, невидящими от слёз глазами провожая сына... Как она вообще пережила этот день?! И снова потянулись дни ожидания...

А потом случилось то, что Анна Прохоровна до конца жизни забыть бы не сумела, как бы ни старалась. В конце октября 1943 года одну за другой она получила чёрные извещения на мужа и на Сашеньку.

Сначала пришла похоронка на мужа: рядовой военной части № 69726 погиб в сентябре 1943 года и похоронен в селе Елизаветинка Амвросиевский район Донецкой области. Анна онемело смотрела на извещение и не знала, верить ли этой бумаге. Может, она, как и та, первая, говорит неправду? Может, муж ещё напишет?

А потом пришла бумага на Сашу: командир орудия 37 механизированной бригады сержант Александр Михайлович Полетаев убит в бою 13 сентября 1943 года у деревни Перекоп Харьковской области... Кричала и билась в

слезах мать и жена, оплакивая своих мужчин, которых забрала эта трижды проклятая война, которой нет ни конца ни края!..

Забрала война мужа и сына, но, видно, мало ей показалось, не утолила она свою кровавую жажду. И в 1944 году семью настигла новая страшная беда.

Нет, она произошла не на фронте, тут, в тылу, дома. Коля чуть не с начала войны начал работать в колхозе прицепщиком. Уставал сильно, всё-таки подросток ещё. А работы навалено на него, как на взрослого. И вот однажды и сморило его от усталости. Он лёг у трактора, а тракторист сел за рычаги и не заметил парнишку... Изрезало пацана плугом насмерть.

1945 год принёс новую беду. На этот раз похоронное извещение пришло на Митю: пропал без вести в январе 1945 года. Мать давно уже тревожилась о сыне. Последнее письмо от него получила она в октябре. Он писал, что гонят фашистов, что он скоро с победой придёт домой... Но вот уже четыре месяца ничего нет, сердце болит... Лучше б она не получала эту бумажку, без неё легче. Ведь она всё равно будет ждать, если надо, всю жизнь будет ждать, всех троих...

Окончилась война, осиротившая семью Полетаевых. Из большой дружной семьи в ней к Победе осталась ровно половина... Долгую жизнь прожила Анна Прохоровна. Больше не вышла замуж, одна вырастила детей. Сначала жила в Долговке, но в 60-х годах уехала к детям в Новокузнецк. Последние годы жизни жила у сына Виталия. Там, в Новокузнецке и похоронена. К сожалению, дата её смерти нам неизвестна. Знаем только, что из Долговки ей уезжать очень не хотелось, тянула до последнего. Всё ждала Митю, ведь если сын вернётся, то приедет в Долговку, к ней, к маме...

Мать

*Часто встретишь её при дороге,
Где клубится, вздымается пыль.
Не подкошенной болью, тревогой
Ветер гнёт перед нею ковыль.*

Сына мать ожидает как прежде.

Пусть закончился ужас войны.

Нет! Не сломлена в сердце надежда.

«Он вернётся!» – твердит: «Только жди!»

*Взор её устремлён к горизонту,
В нём растаял родной силуэт.
Пожелтела от лет похоронка,
Только памяти давности нет.*

Образ сына пред ней в гимнастёрке,

Голубые, как небо, глаза.

С вещмешком да шинелью потёртой,

Так его провожала она.

*Смертью храбрых он пал под Берлином,
В свой последний решительный бой,
Чтобы мир был свободным, счастливым,
Неизвестный солдат и герой.*

Не лежать на могиле букетам,

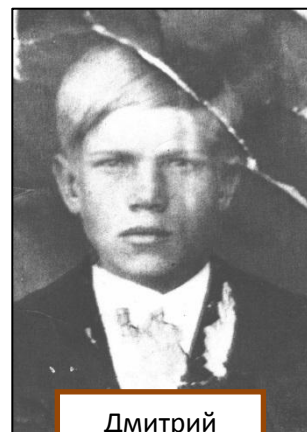
Не склониться пред ним до земли.

Это место известно лишь ветрам,

Да кричат на лету журавли.

*Если встретишь её при дороге,
Где клубится, вздымается пыль,
Не подкошенной болью, тревогой
Поклонись ей, как гнётся ковыль.*

(В. Нечунаев)

Дмитрий

Монумент «Скорбящая псковитянка»

ТЕЛЕГИНА МАТРЁНА ИОСИФОВНА

«Есть женщины в русских селеньях...»

*...И голод, и холод выносит,
Всегда терпелива, ровна...
Во всякой одежде красива,
Ко всякой работе ловка.
В ней ясно и крепко сознание,
Что всё их спасенье в труде,
Что труд ей несёт воздаянье:
Семейство не бьётся в нужде,
Всегда у ней тёплая хата,
Хлеб выпечен, вкусен квасок,
Здоровы и сыты ребята,
На праздник есть лишний кусок... -*

Как будто поэт Николай Некрасов списал свои стихи с образа Матрёны Иосифовны. Небольшого роста, ладная, крепкая и милая, она родилась в селе Верхнее в марте 1870 года. Девичья фамилия – Ельцина. Её отец на паях с двумя братьями держал в селе мельницу. Родная мать Моти рано умерла, и вскоре отец привёл в дом вторую жену. Бросил на пол охапку солому, поставил на неё четырёх своих детей, вот, говорит, хозяйка, принимай моё богатство. Новая мама и правда, с теплотой относилась к детям мужа и позднее ему ещё двух дочек родила. 18-летней девчонкой Матрёна вышла замуж.

Высватали её в деревню Телегино за Якова Кузьмича Телегина, только недавно отслужившего срочную службу и ушедшего в запас. В семье Кузьмы Кирилловича Телегина было 8 сыновей, так что клан этот был очень обширен в деревне. Яков - предпоследний сын в этой большой семье, но всё ж таки невесты своей был старше почти на 10 лет. Братья все были трудолюбивыми, дружными, помогали друг другу во всём. Телегиных в деревне было много, поэтому все члены семей братьев носили прозвище «Кузьмичи».

Родные и подружки выговаривали ей, мол, зачем ты за старого, да в чужую деревню замуж идёшь? Но она всё равно вышла, и никогда потом не жалела. Уехала в чужое место, которое со временем стало родным и близким. Прижилась и в деревне, и в семье работающая, ладная сноха. Жили они в стабильном крепком достатке: садили бахчи, обрабатывали пашню, держали

лошадей, скот, птицу. Никого не нанимали, работали сами от зари до зари. Родила Матрёна мужу четырёх сыновей и дочь. Нет, рожала больше, но выжили только эти. Со временем она стала в семье тем человеком, на котором держится дом. Всегда у неё всё вовремя было сделано, дети и муж ухожены, хозяйство управлено. Везде она успевала: и дома, и в поле. Не было у неё привычки болтаться по деревне без дела или сплетни собирать по лавочкам. С уважением относилась к родителям мужа, с почтением – к людям в деревне. И к ней отношение было соответственное. По характеру она была очень сдержанной, чувства свои на людях не привыкла показывать, если что-то даже не ладилось в семье, никто и догадаться не мог – до того спокойной она выглядела.

В 20-30-е годы, жить стало не то чтобы пострашнее, а неуютно как-то. Не знаешь, чего ждать от каждого наступающего дня. Раскулачивание сильно потрепало нервы в семье. Как пошли грести всех под одну гребёнку: и середняков, и кулаков, и бедняков, кто в колхоз не вступал. Жалела этих людей Матрёна. Некоторые богатыми считались, а ведь трудились сами, не нанимая почти никогда. Да и кто нанимал, всякие люди были. Вот сосед Николай Тимофеевич, хорошо жил, батраки были, земли много, скота. Только помнит Матрёна, когда был голод, он многим без отдачи хлеб давал, просто так, чтобы семьи с голоду не умерли. А ведь не каждый так-то может... Но семью Якова Телегина такая беда, как раскулачивание, к счастью, обошла стороной.

Проходили годы. Поседали, постарели Матрёна с Яковом. Зато выросли дети, уже создали свои семьи. Кардинально изменилась жизнь деревенская. Как только организовались колхозы, три старших сына сразу туда вступили, весь свой скот уведя на колхозную ферму.

В середине 30-х годов постигла семью большая беда: умер глава семьи Яков Кузьмич, верный спутник жизни, надежда и опора. В колхозе Матрёна Иосифовна не работала. Во-первых, годами уж стара, а во-вторых, не принимала душа этих всех новшеств, старый уклад жизни был близок больше. Уж в 1937 году вступили они в колхоз вместе с младшим, ещё не женатым тогда сыном Василием. Бог, слава ему, давал пока здоровья: сама и сено косила, и дрова рубила, и за скотиной ходила. Не умела и не могла без дела сидеть. Гордилась детьми своими, которые в деревне были на хорошем счету, все грамотные, все вышли в люди, а дочка и вовсе – учительница.

После женитьбы сына ушла она жить к одному из сыновей, Филиппу.

В 1941 году пришло лихое время, началась война. Налетел снова германец на нашу землю, и всех её сынков, одного за другим, на одном 1941 году, забрали на фронт. В первый же набор попал самый младший сын Василий, 1913 года рождения. Он и так только с Финской вернулся, сын родился, только Матрёна успокоилась, и вот опять забирают его у матери. Следом за ним 28 июня забрали Ивана, 20 сентября – Кирилл ушёл на фронт. А Филиппа прямо в Новый год, 31 декабря взяли. Крепкой была сердцем Матрёна Иосифовна, и, провожая каждого из сынов на бой, благословляла, слезы не проронив. Снохи голосили по мужьям, а она только губы крепче сжимала. Твёрдо верила: вернуться. А ещё она знала, что работа никого ждать не будет, пока они все тут наплачутся. Раз мужики ушли, значит, будут работать бабы. И, значит, сноха будет убиваться на колхозной работе, а на ней, бабушке, останутся дом и дети. Всё это дело привычное, правда, годы уже не те. Но в такое лихое время о годах придётся забыть, надо работать, сынам помогать.

И только когда пришла повестка о призыве её дочери Антонине, Матрёне изменила выдержка, не сумела она сдержать слёзы отчаянья. Повезла её сноха в военкомат, и вырвала мать свою дочку от войны. Приняли во внимание положение матери: четыре сына на войне, а мать – на дочернем иждивении.

Пожалели старушку-мать люди, а война – нет: Василий и Иван пропали без вести в начале войны, ни весточки от них не пришло. Филипп погиб 22 мая 1942 года под Ленинградом, а Кирилл – 1 октября того же года на станции Селижарово при бомбардировке, был похоронен в братской могиле у полотна железной дороги...

Полтора года идёт война, только набирает обороты, а у неё уже две похоронки. Но тогда она ещё держалась надеждой, что Вася с Ваней живы, и старалась не плакать. И снохи, рыдая о мужьях и своей горькой доле, говорили между собой, что свекровь, как каменная, никогда ни слезинки не проронит.

...Правду говорят люди: коль один раз ударило, так ещё 10 раз ударит. Так и случилось: жена Филиппа Прасковья, надорвалась на непосильной, тяжёлой колхозной работе, вспахивая на коровах весенние поля, извелась тоской по погибшему мужу и через год после его гибели умерла. Осталось трое сирот на руках бабушки: 4-летняя Тамара, Коле 13 лет, ну и старшая внучка Аннушка, которой, слава богу, уже 18 лет, и которая учится в Куртамыше на учителя.

Трудно было. Горе и тоскливые думы клонят к земле, всё чаще вспоминается муж, улыбаются матери, как живые, погибшие дети, всё чаще приходят на ум молодые годы, когда была здоровой и сильной... Уйти бы на покой, да раньше срока не уйдёшь. Видно, не исполнено до конца её материнское предназначение на этой земле. Вот и война закончилась, только детей забрала всех, до единого. Как же жить-то с этим теперь...

Со стороны и правда казалось – железная: не всплакнёт лишний раз (а и всплакнёт, так не на виду у всех, украдкой, в подушку), а ведь всех сынов потеряла. Только её жизнь так воспитала: не показывать своё горе людям, нести свой крест достойно и молча, как подобает сильной гордой русской женщине.

... Пятнадцать лет, как окончилась война, унесшая жизни её сыновей Кирилла, Филиппа Ивана и Василия. Вырастила сирот, помогла подняться другим внукам. Последние годы жила в семье внука Николая, не брошена, ухожена. Всё бы хорошо, только сил жить больше не осталось.

Умерла солдатская мать в 1960 году в возрасте 90 лет. Похоронена на сельском кладбище села Долговки.

Сыны

*На рассвете, когда обрываются сны,
К матерям седовласым приходят сыны
Со смоленских полей, с беспокойных морей,
Из могил, над которыми вырос пырей.*

*В сапогах запылённых, в шинелях до пят
Над счастливыми мамами тихо стоят.
И обратно из дома уходят сыны
На рассвете, когда обрываются сны.*

*Часто ходит теперь чья-то мать, говорят,
К той могиле, где спит Неизвестный солдат,
И подолгу стоит, слёз не в силах сдержать.
Постоит, помолчит и заплачет опять.*

*От кремлёвской стены, со смоленских полей,
С безымянных высот, с неизвестных морей
На рассвете, когда обрываются сны,
К матерям седовласым приходят сыны.*

(В. Демидов)

А. и С. Ткачёвы. Сыновья

И. Хайрулинов. Благословение матери

ТЕЛЕГИНА ПАРАСКОВЬЯ СЕРГЕЕВНА

«Ей не забыть своих детей, погибших на кровавой ниве...»

Парасковья Сергеевна родилась 26 октября 1876 года в селе Камаган, в обычной крестьянской семье. Когда подросла, её высватали за парня из далёкой чужой деревни Телегино Долговской волости.

Телегин Дмитрий Михайлович, её будущий муж, родился в 1870 году в большой семье. Совсем недавно он вернулся с армейской службы, вышел в запас.

Поженились молодые в феврале 1897 года. Рожала Парасковья много, одного за другим родила одиннадцать детей, но выжило из всех только шесть. Пятеро сыновей и дочь. Самой старшей была именно дочь, Мария, она родилась в январе 1898, она и стала нянькой всем рождавшимся потом детям. Сашу, правда, не нянчила, сама ещё маленькая была. В трудах и заботах проходила жизнь, принося с собой и горести, и радости. Не унывала Парасковья, рядом был муж, дети, вся семья.

Потом, после 1917 года разрушилась прежняя жизнь, и началось что-то новое и не очень понятное. Всё перевернулось с ног на голову. А вот старший сын воспринял новую жизнь с энтузиазмом: вступил в партию большевиков, устанавливал власть советскую, экспроприировал (слово-то какое!) у кулаков излишки хлеба. А потом пошёл на повышение по партийной линии, уехал, работал в большом городе.

Ушла из семьи и Мария, вышла замуж. Постепенно переженились и младшие сыновья. Сначала в 1927 году женился сын Пётр. Жена его, Настя, была постарше сына на три года, и нравилась Парасковье. Потом женился Иван, следом Фёдор со Степаном. Стали рождаться дети, бабушка нянчилась. Всё шло своим чередом. Но беда уже стояла на пороге дома.

В 1937 году по обвинению в шпионско-диверсионной деятельности был арестован старший сын. Парасковья не понимала, какой из её сына «шпион»? Муж успокаивал, что ты, с ума сошла, разберутся и отпустят. Кивала Парасковья, соглашаясь, но неуверенность в голосе мужа мешала поверить в

его слова. А потом родители узнали, что их сын Телегин Александр Дмитриевич расстрелян, как «враг народа».

Это было страшным ударом для матери и для всей семьи. Никто не ожидал, что произойдёт такое. В эту нелепость не хотелось верить. На селе тоже многих проверяли, увозили в лагеря, сажали в тюрьму, видимо, находили какую-то вину. Но в то, что её сын виноват перед Советской властью, мать не верила и не поверит никогда. Оговорили её сына настоящие враги, а власть просто не захотела разобраться.

Сразу после этого все сыновья вместе с семьями уехали из села. И это тоже было ударом для матери. Степан с Петром уехали в Мишкинский район, в мясомолочный совхоз «Вторая Пятилетка». Многие из сельчан работали там. Фёдор – в соседний Альменевский район. Но дальше всех занесло Ивана: он уехал в Казахстан, в город со странным, нездешним названием: Джамбул.

В 1941 году началась война. Первым на фронт взяли Петра, в июне 1941 года. Следом за ним и трёх остальных: и Ивана, и Федю, и Стёпушку. Ещё от потери старшего сына не оправилась мать, а тут на войну, всех. А вернутся ли? Но мать старалась мысли плохие не допускать. Вернутся, а как же, вот немного, и погонят немцев наши войска. Но получалось, что не мы немцев гоним, а они нас. Жмут со страшной силой, а наши отступают. А сынки-то, кровиночки, как же по ним сердце материнское болит!..

Но самое страшное: ушли на фронт, а писем нет как нет. Писал, правда, Ваня. Где-то там, на юге служит, не беспокойся, мол, мамонька. А от других сынков ничего нет: ни от Петра, ни от Феди, ни от Стёпушки. Вернулась в Телегино под крыло свекрови младшая сноха, жена Степана, пошла работать в «Совет». Маленький Афоня остался с бабушкой. Смотрела Прасковья на внука, как же похож он на Стёпу, такой же крепенький, как боровичок, худой, правда, где ж его, хлеб-то, взять. Может, и сынок её где голодный, а она помочь не может... Следом за ней приехала с семьёй жена Феди Елена. И правильно. В горе надо быть поближе к семье, к своим.

А потом в дом к Дмитрию Телегину пришла похоронка. Враз побледневший отец развернул страшную бумагу: ваш сын, рядовой 1 гвардейской усиленной дивизии Телегин Иван Дмитриевич был тяжело ранен и умер от ран 3 июля 1942 года в эвакогоспитале № 3978. Похоронен в городе Кзыл-Орда на городском кладбище.... Мать упала без чувств. Долго её пытались откачать. Привели в себя, но что-то надломилось в Прасковье после этой бумаги, отмерло в душе. Но были ещё дети: Пётр, Федя, Стёпушка. Не

писали, не отзывались, но ведь были! Именно это держало мать на поверхности, не давало соскользнуть в небытие.

1945 год. Победа! Окончилась война. С фронта стали приходиться чьи-то мужья, дети, отцы. Она бежала к каждому вернувшемуся, спрашивала, не видел ли кто Петра, не встречал ли где Федю, может, слышал что-нибудь о Стёпушке. Недавние солдаты отводили глаза... Что тут скажешь?

В 1946 году Дмитрий Михайлович послал в Министерство обороны запросы о судьбе своих сыновей. И тогда из военкомата пришёл ответ...

«Телегин Пётр Дмитриевич, 1907 года рождения, д. Телегино, призван Мишкинским РВК в 1941. Рядовой. Ни среди живых, ни среди мёртвых не значится. Считать пропавшим без вести с августа 1941 года».

«Телегин Фёдор Дмитриевич, 1913 года рождения, д. Телегино, призван Альменевским РВК 07.41. Считать пропавшим без вести с ноября 1941 года».

«Телегин Степан Дмитриевич, 1914 года рождения, д. Телегино, призван Мишкинским РВК в 1941. Считать пропавшим без вести с января 1942 года».

... Разум матери не смог вынести такого горя. Нельзя было вынести за один раз столько! Не три похоронки сразу!.. Отец после получения такого ответа сразу сдал, и немного ещё пожив, умер. А мать сначала жила с дочерью Марией, потом со снохой, вдовой Стёпушки. Ходила по деревне маленькая старушка и улыбалась чему-то своему, светлому, доброму. Не было в её улыбке места тяжёлому, страшному горю, которое унесло её сыновей навсегда: Аркадия, Ивана, Петра, Федю и Стёпушку...

Умерла Прасковья Сергеевна 4 декабря 1965 года. Ей было 89 лет. Похоронена на сельском кладбище села Долговки.

Год 41-ый – год 45-ый...

*И в сорок первом,
И в сорок пятом
Война мальчишек
Брала в солдаты,
Ломала судьбы,
Они так хрупки,
Людей крошила,
Как в мясорубке.
Остались лица
На жёлтых фото,
Читает память
Их письма с фронта.
Большому горю
Какая мера,
Год сорок пятый –
Год сорок первый?*

(К. Вуколов)

ФРОЛОВА АГРАФЁНА АНИСИМОВНА

*«Четыре года кровь лилась
и тридцать лет, как льются слёзы...»*

Аграфёна Анисимовна родилась в 1884 году в крестьянской семье. Девичья фамилия её – Николаева. Уроженка деревни Фроловки, хотя некоторые считают, что она долговская. Николаевы жили и во Фроловке, и в Долговке, но доказательств или, наоборот, опровержений, что она родом из Долговки, на сегодня у нас нет. В любом случае, замуж она вышла во Фроловку за Николай Фролова. О нём у нас нет никаких сведений, скорее всего, он умер в голод 1921 года.

В браке с мужем Аграфёна родила троих детей, Михаила и двух Иванов. Что, в общем-то, не редкость в то время: тогда бывало, что в одной семье были, например, старший и младший Павел, Иван, Ефросинья... Мальчики родились один за другим, Михаил – в 1914, старший Иван – в 1918 году, а младший Иван – в 1920-м. Младший Иван родился в Долговке, и был зарегистрирован здесь.

После смерти мужа очень трудно было поднимать детей, даже просто выжить было трудно. Поэтому, когда во Фроловке образовался колхоз с воинственным названием «Боец», Аграфёна Анисимовна с сыновьями почти сразу вступила туда.

Когда сыновья подросли, Михаил и Иван-младший сели за рычаги тракторов, стали механизаторами. А вот здоровье старшего Ивана не блистало, он ушёл из колхоза. Позднее ему дали вторую группу, и он до войны и в войну работал заместителем начальника сельпо в Долговке.

В октябре 1940 года младшего Ивана призвали на срочную службу в ряды Красной Армии. Оттуда сын часто писал матери письма, говорил в них, что служит на новой границе, и какая там непохожая на нашу природа, и совсем другие люди. Ещё писал, что учился на курсах минёров, что получил очень нужную и ответственную специальность.

22 июня 1941 года началась война. Сердце разрывалось от невыносимой боли по младшему сыну, ведь где-то там он, где стреляют, где война, где каждое мгновение его подстерегает смерть. Стали брать на фронт мужчин. Старшего Ивана, конечно не возьмут. Но было опасение, что могут забрать Михаила. Однако Михаилу дали бронь, и он так всю войну и проработал шофёром в Красноярской МТС. Все беспокойные думы матери сосредоточились на младшем сыне.

Оба старших сына жили теперь в Долговке, перебравшись туда ещё до войны. Аграфёна с младшим сыном жила во Фроловке, но когда он ушёл в армию, а оттуда сразу попал на войну, старшие дети стали настойчиво звать маму к себе. В 1942 году Аграфёна Анисимовна уехала из Фроловки и поселилась рядом с сыновьями.

С нетерпением мать ждала от сына писем. Ваня воевал храбро. Писал, что за участие в боях его наградили медалью «За отвагу». Но более всего мать утешало, что пуля обходит её сына, ни разу не ранен даже её Ваня, хотя служба у него опасная.

Отвагу и мужество в боях проявляет сержант-коммунист И. Фролов. Он образцово выполнил задание командования по разминированию переднего края обороны противника и разграждению проволочных заграждений. В боях отважный сапер уничтожил 7 гитлеровцев. На минах, ловко расставленных его отделением, подорвался немецкий танк. Сержант И. Фролов награжден медалью «За отвагу». Фото Е. Цапко.

А ещё сын присылал вырезку из фронтовой газеты со своей фотографией. Там написано, что её сын проявляет в боях отвагу и мужество, уничтожил семь немцев, а на его минах подорвался фашистский танк!

Вырезку из газеты всем соседям показала Аграфёна, гордясь сыном. А оставшись одна, с тревогой вглядывалась в ставшее каким-то чужим и напряжённым лицо Вани и его самого со

странным прибором в руках. Для поиска и обнаружения вражеских мин, так ей сказали. Воевал он возле самого Ленинграда, в кольце блокады. Часто матери думалось, что, возможно, и не едал сегодня её мальчик. Да и вообще, что такое 300 грамм хлеба в день для солдата? Здесь в тылу, хлеба, правда, тоже мало. Но если бы была возможность сыну помочь, последнюю тряпку бы продала, чтобы сыну помочь.

Потом уж Ваня написал, что вывезли их часть из кольца блокады на Большую Землю, теперь он воюет на другом фронте, здесь, по сравнению с ранешним положением, почти рай. И опять у матери на сердце радость.

В апреле 1942 года от командования части в первый раз пришло благодарственное письмо от командиров сапёрного батальона, в котором служит сын.

Матери отважного сапёра - и трудителя бойца 26-го
отдельного сапёрного батальона
Аграфены Анисимовне Фроловой

Здравствуйте уважаемая Аграфена Анисимовна! Разрешите от
славных героических защитников и освободителей от вражеской блокады
г. Ленин, бойцов, командиров и политработников 26 ОСБ передать Вам
искренний фронтовой привет!

Дорогая Аграфена Анисимовна! Вместе со всеми бойцами, коман-
дирами и политработниками нашей части борется с германскими захват-
чиками Ваш родной сын Иван Николаевич Фролов. Он, не зная страха, по-
лок мужества и отваги, воодушевленный своим примером других бойцов за вре-
мя военных действий с германским фашизмом, он поставил множество
мин и фугасов, подорвал до десятка автомашин, танков противника
и много других техники противника.

При наступлении наших частей Ваш сын, как прекрасный специа-
лист-сапёр, мужественно и волево бою прокладывает путь нашим
могучим танкам, нашей славной пехоте, разминировал минные поля
противника, обезвреживал фугасы и скрывающиеся врага, подрывая немецкие
блиндажи и огневые точки.

Иван Николаевич имеет на своём счету 15 истребленных фашистов

Действиями Вашего сына гордится и славится наша часть, имя
Ивана Николаевича известно как имя отважного бойца за незави-
симость нашей славной Родины.

За мужество и отвагу, проявленные в боях с немецкими
захватчиками Иван Николаевич удостоен правительственных наград -
медали "За отвагу".

Спасибо Вам за воспитание такого сына. Желаем Вам счастья и
хорошего здоровья в жизни, всячески помогайте фронту, содействуйте
быстрейшему разгрому врага.

Мы будем пролить немецкие раздобытков Гитлера до полного
их уничтожения.

24.4.1942 год.

Командир части по политчасти
Шабар Николаев.

Потом приходили и другие благодарственные письма, чуть не к каждому празднику, и везде было написано, как уважают и любят её сына в части за бесстрашие, находчивость, смелость.

И заметки из газеты сын высылал еще несколько раз. Там тоже рассказывалось о том, как он воюет. Но, читая статьи о Ване, боялась себе представить, как воюет сын. Как разминировать поля и первым врывается в немецкий блиндаж на переднем крае... Душа замирает в страхе за него!

А тем временем немцев погнали с нашей земли. Давно освободили Ленинград, сын уже воюет в Латвии, скоро войне конец.

Вот к концу войны и принесла почта это черное казённое извещение: «Ваш сын, старшина 26 осб Фролов Иван Николаевич, погиб смертью храбрых 30 октября 1944 года при выполнении задания, убит разрывом противотанковой мины. Похоронен с отданием воинских почестей у села Вилдава Латвийской ССР».

... Так и осталась жить в Долговке Аграфёна Анисимовна. Последние годы жизни жила у старшего сына Ивана. В утешение остались ей несколько фотографий сына, благодарности из части, листки сыновних писем и бесконечные воспоминания... Умерла и похоронена в с. Долговке.

Солдатской матери

*Нет, не вернётся мой брат с войны.
Что нашей матери в горе поможет?
Может, слова совсем не нужны,
Просто поплакать лучше, быть может?
Дружен, широк был семейный стол,
Правильной жизнью жили ребята
Мама! Ты знаешь, за что он шёл
И почему стал храбрым солдатом?
Матерью Родину звал сво,
Имя твоё в огне окрыляло.
А пощади мы себя в бою,
Что бы с Отчеством нашим стало!
Имя тебе – солдатская мать.
Слёзы и боль с тобой разделяя,
Знаю, как трудно сына не ждать,
Верю и в силу твою, родная.
Перед бедой не согнём спины.
Вспять не пойдут широкие реки.
Русская ты,
И твои сыны
Крепостью Родины будут вовеки.
(А. Яшин)*

Мемориал Скорбящие матери. Г. Челябинск

Реквием

(из поэмы)

Ой, зачем ты,
солнце красное,
всё уходишь –
не прощаешься?
Ой, зачем
с войны безрадостной,
сын,
не возвращаешься?
Из беды тебя я выручу,
прилечу
орлицей быстрою.
Отзовись,
моя кровиночка!
Маленький.
Единственный...
Белый свет
не мил.
Изболелась я.
Возвратись,
моя надежда!
Зёрнышко моё.
Зорюшка моя.

Горюшко мое, -
где ж ты?
Не могу найти дороженьки,
чтоб заплакать над могилою.
Не хочу я
ничегошеньки, -
только сына
милого.
За лесами моя ластынька!
За горами –
за громадами...
Если выплаканы глазыньки,
сердцем
плачут матери...
Белый свет
не мил.
Изболелась я.
Возвратись, моя надежда!
Зёрнышко моё.
Зорюшка моя.
Горюшко моё, -
где ж ты?

(Р. Рождественский)

А. Шилов. Солдатские матери

**Список матерей,
потерявших на фронтах Великой Отечественной войны
двух и более детей**

(подчёркнуты имена тех, кто является героинями данного сборника)

- 1) Архипова Пелагея Лукична, 1889 – 1959. Мать Ивана и Петра Архиповых.
- 2) Борчанинова Варвара Кузьмовна, 1890. Мать Василия, Якова и Никандра Борчаниновых.
- 3) Вихорева Анна Васильевна, 1886. Мать Андрея и Павла Вихоревых.
- 4) Вихорева Василиса Захаровна, 1874. Мать Александра, Ильи, Михаила и Владимира Вихоревых.
- 5) Вихорева Татьяна Васильевна, 1881. Мать Михаила и Степана Вихоревых.
- 6) Гадаева Анна Григорьевна, 1885 - 1940. Мать Дмитрия и Алексея Сониных.
- 7) Гадаева Наталья Григорьевна, 1886 - 1975. Мать Семёна и Алексея Клещёвых.
- 8) Горенкова Елизавета Герасимовна, 1880 – 1967. Мать Алексея, Александра, Петра, Фёдора и Григория Бобровых.
- 9) Крючкова Елена Ивановна 1882 – 1925. Мать Ивана и Фёдора Крючковых.
- 10) Огаркова Маланья Ефимовна, 1874. Мать Василия, Дмитрия и Алексея Огарковых.
- 11) Панкова Матрёна Мать (мачеха) Сергея и Михаила Панковых.
- 12) Пережегина Анна Ивановна, ... - Мать Андрея и Алексея Пережегиных.
- 13) Пережегина Наталья Ивановна, 1873 – 1960. Мать Дмитрия и Николая Пережегиных.
- 14) Полетаева Анна Прохоровна, 1903. Мать Александра и Дмитрия Полетаевых.
- 15) Савина Степанида Семёновна, 1898. Мать (мачеха) Ивана и Бориса Савиных.
- 16) Телегина Анна Семёновна, 1882 – 1961. Мать Ивана и Валентина Телегиных.

- 17) Телегина Вера Петровна. Мать Николая, Гавриила и Павла Телегиных.
- 18) Телегина Матрёна Иосифовна, 1870 – 1960. Мать Кирилла, Филиппа, Ивана и Василия Телегиных.
- 19) Телегина Парасковья Сергеевна, 1876 – 1965. Мать Ивана, Фёдора, Петра и Степана Телегиных.
- 20) Телегина Пелагея Тимофеевна, 1893. Мать Павла и Егора Телегиных.
- 21) Черепанова Наталья Абрамовна, 1879. Мать Павла и Александра Черепановых.
- 22) Шамина Наталья Меркурьевна, 1886. Мать Андрея и Михаила Шаминых.

Заключение

Вот и подошёл к концу наш небольшой рассказ о матерях, чьи дети не вернулись с полей Великой Отечественной войны. Всё вынесли эти многострадальные женщины: и перемену жизненного уклада, и раскулачивание, и голод, и тяжёлый труд на колхозных полях в войну, и проводы сыновей на фронт, и то, что не всех их они смогли дождаться.

Этот сборник закончен. Но работа по выявлению данных о матерях погибших ведётся и, возможно, позднее мы сможем дополнить его другими документами и фактами о жизни наших скорбных матерей России.

К сборнику прилагается приложение с именами матерей, чьи сыновья не вернулись с фронта.

Надеюсь, что материалы, используемые в сборнике, помогут вам лучше узнать и понять историю нашего края.

Если у пользователей сборника появятся вопросы и дополнения по нашим материалам, просим обращаться в Долговскую сельскую библиотеку по адресу: 641473 Курганская область, Куртамышский район, село Долговка, ул. Октябрьская, дом 4 «в», Долговская сельская библиотека, или на адрес электронной почты: telminov89@mail.ru

Часы работы нашей библиотеки: ежедневно, кроме субботы и воскресенья, с 10 до 17 часов, без перерыва. Дом. т. 83524928327.

